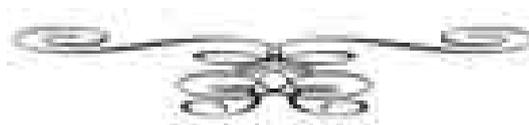

«Деятели народного образования»

Ю.В. ЕРГИН

**З.Ш. ШАКИРОВ
(1881–1968)**

Уфа 2007

УДК 37.01(470.57)
ББК 74.03(2)7-8
Е 69

Ергин Ю.В. З.Ш. Шакиров (1881–1968) [Текст] / Юрий Викторович Ергин. – Уфа : Вагант, 2007. – ил. – (Б-ка «Педагогического журнала Башкортостана»). 144с. – 500 экз.
ISBN 978-5-9635-0070-5

Книга представляет собой очерк жизни и деятельности З.Ш. Шакирова, педагога-просветителя, ученого-филолога, одного из основоположников башкирского языкознания.

Издание включает в себя свыше 80 фотографий, значительная часть которых публикуется впервые.

УДК 37.01(470.57)
ББК 74.03(2)7-8

Рецензенты:

Центральный государственный исторический архив РБ;
Р.М. Асадуллин, *д-р пед. н., проф. (БГПУ).*

ISBN 978-5-9635-0070-5

© Ергин Ю.В., 2007
© Вагант, 2007

Введение

Настоящий выпуск «Библиотеки Педагогического журнала Башкортостана» посвящен жизни и деятельности Закира Шакировича Шакирова (1881–1968), видного педагога-просветителя, этнографа, историка, одного из основоположников башкирского языкознания, 125-летие со дня рождения которого в конце 2006 года отметила общественность Республики Башкортостан.

З.Ш. Шакиров начал свой трудовой путь еще в годы первой русской революции. После 1917 года написал первые учебники родного языка для башкир, принял активное участие в создании письменности современного башкирского языка, исследовал башкирскую диалектологию, систематизировал языковую терминологию, участвовал в подготовке педагогических кадров, стал одним из организаторов народного образования в Башкирии.

К 100-летию со дня рождения З.Ш. Шакирова (1981) А. Галлямов и К. Яйкбаев подготовили небольшую рукопись [1], в которой излагались основные вехи жизненного пути, научно-педагогической и организаторской деятельности этого ученого-педагога, однако издать ее полностью в то время не удалось¹. Только через 15 лет на основе материалов этой рукописи и документов, хранящихся в личном архиве семьи Шакировых, его дочь, Лия Закировна Шакирова, известный представитель Казанской лингвометодической научной школы, доктор педагогических наук, профессор, выпустила в Казани – издательство «Магариф» (Просвещение) – небольшим тиражом (всего 180 экземпляров) книгу «Светлая судьба» [2] – краткий биографический очерк о жизни и научно-педагогической деятельности своего отца. Книга снабжена списком

основных научных трудов З.Ш. Шакирова, публикаций о нем, а также отрывками из воспоминаний современников.

Фактически, без каких-либо существенных изменений этот материал вошел составной частью в книгу внука З.Ш. Шакирова, доктора технических наук, профессора, одного из организаторов нефтегазовой отрасли России Рифхата Мидхатовича Шакирова «Линия жизни: 1850–2000. Служение Отечеству» [3], вышедшую в 2000 году в московском издательстве «Воскресенье».

Создавая настоящий очерк, мы использовали названные выше источники, дополнили их неопубликованными ранее материалами и документами о деятельности З.Ш. Шакирова, обнаруженными в Центральном государственном архиве Республики Башкортостан, Национальном музее РБ, Национальной библиотеке РБ, Научном архиве Уфимского научного центра Российской академии наук, а также документами личного архива семьи Шакировых, любезно предоставленными внучкой З.Ш. Шакирова – Нэлей Мидхатовной Имашевой, заведующей кафедрой иностранных языков факультета башкирской филологии Башкирского педагогического университета имени М. Акмуллы.

Особое внимание мы уделили работе З.Ш. Шакирова в Уфимском губернском земстве, его участию в деятельности лингвистического отряда Башкирской комплексной экспедиции АН СССР, в написании первых учебников родного языка для башкир, преподаванию в Башкирском государственном педагогическом институте имени К.А. Тимирязева.

Автор выражает свою огромную благодарность Н.М. Имашевой, в настоящее время хранительнице архива З.Ш. Шакирова, предоставившей неопубликованные ранее материалы (в том числе и фотодокументы) о своем деде, высокая культура и образованность которого всегда были известны не только в республике, но и за ее пределами. Без ее активного участия в просмотре и отборе сохранившихся документов эта небольшая книга о З.Ш. Шакирове, патриархе народного просвещения нерусских народностей Башкортостана, вряд ли могла быть написана.

---

1. Детство, обучение в сельской школе

Закир Шакиров родился 3 (16) ноября 1881 года в деревне Карасай-Елга Московской волости Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Кушнаренковский район Республики Башкортостан).

Отец Закира, Шакир, башкир по национальности, родился и вырос в небольшой башкирской деревне Старые Тажи (ныне Бураевский район Республики Башкортостан). Он выучился и стал образованным человеком, сельским учителем и муллой (хазретом²) в деревне Карасай-Елга, имел большую семью. О нем сохранилось мало сведений. Приведем лишь одно предание о том, как он принял смерть, характеризующее этого незаурядного человека [3].

Когда в начале 20-х годов XX века в Башкирии, как и во всем Поволжье, разразился голод и повсеместно свирепствовали холера и сыпной тиф, к Шакиру обратились с просьбой напутствовать по мусульманским обычаям перед смертью его друга, умирающего от холеры, и прочитав наедине с ним соответствующие молитвы. Шакир полностью исполнил свой долг священнослужителя, прекрасно понимая, что сам обязательно заразится холерой, болезнью, в то время, практически, неизлечимой. Удостоверившись, что это произошло, отослал от себя свое многочисленное семейство, уединился в отдельно стоящей старой небольшой бане, наказав никому не подходить к нему, а после его смерти баню сжечь, что и было сделано. То, как человек умирает, говорит и о нем самом, и о том, как он жил. Вообще, все мужчины рода Шакировых отличались огромным чувством долга и большой силой воли. Сейчас можно с

уверенностью сказать, что именно от отца маленький Закир получил и свой стойкий характер, и сопровождавшее его всю жизнь стремление к знаниям.

Мать Закира, Галима Валитова, родилась в 1888 году в деревне Карасай-Елга. У нее было девять детей – восемь сыновей и дочь³.

Первоначальные знания маленький Закир получил в русско-башкирской школе родной деревни, где преподавал его отец. Уже в этот период по совету отца он самостоятельно стал изучать дома географию, арифметику, историю. С особым усердием Закир занимался русским языком. Роль русского языка в овладении знаниями он понял уже в самые молодые годы и пронес это убеждение через всю свою жизнь и педагогическую деятельность. Одновременно Закир читал Коран, другие религиозные книги, знакомился с фонетикой арабского языка и основами тюркской грамматики.

В 1895 году, когда Закиру исполнилось 14 лет, отец отвез его учиться в новометодное медресе деревни Расмакай, которое в той местности считалось наиболее прогрессивным учебным заведением. В нем он обучался два года и уже тогда, по совету отца, решил стать учителем. Для этого Закир серьезно пополнял свои знания в области различных наук, в особенности географии, истории, продолжал совершенствоваться в русском языке.

---

2. В медресе «Мухаммадия»

После долгих размышлений об овладении профессией учителя Закир выбрал местом получения своего дальнейшего образования Казань, бывшую в конце XIX века одним из самых культурных центров Российской империи. Осенью 1895 года он приехал в этот город и первый же встреченный им мужчина в длинном просторном халате (чапане) объяснил, как добраться до медресе «Мухаммадия».

В то время медресе «Мухаммадия» было уже крупнейшей в Поволжье конфессиональной новометодной татарской школой [4–6]. Оно было основано в Казани в 1882 году имамом 5-ой соборной мечети Галимджаном Баруди⁴ и его отцом Мухамадзяном Галеевым (1832–1908), на средства которого было построено первое одноэтажное здание «Мухаммадии». В честь последнего медресе и было названо (другое его название – «Галеевское»). В 1901 году для «Мухаммадии» было построено новое большое трехэтажное здание, оборудованное центральным отоплением, стоимость которого в то время составляла большую сумму (около 60 тысяч рублей). Учебные помещения «Мухаммадии» не отличались от помещений лучших светских европейских школ. Особое внимание было уделено нормальным условиям быта и отдыха шакирдов. Медресе имело отдельное здание для столовой, благоустроенное общежитие, столярные мастерские, переплетный цех и даже спортивный каток. В медресе «Мухаммадия», как и в русских школах, были парты, кафедры, черные доски, плакаты, исторические и географические карты. Ученики обучались по точному расписанию, на уроки они одевались в тужурки со стоячим воротником и тюбетейки с ровным верхом. Особое внимание Г. Баруди уделял обучению шакирдов неза-

висимо от их социального происхождения и материального благополучия. Дети из бедных семей обучались бесплатно. Им выдавались учебные пособия, одежда, и для того, чтобы они не попрошайничали на улице, даже небольшая стипендия. Среди неимущих слоев населения популярность специальных классов «Мухаммадии» для бедных была велика.

Сохраняя общепринятые представления об исламе и морали (ахлак), Баруди имел собственное критическое мнение о порядке организации религиозной жизни мусульман, особенно в сфере школьного обучения и воспитания. Ислам и мусульманская мораль представлялись ему основой материального и духовного благополучия людей, а мистика – аскетическое течение в исламе (суфизм) – самым верным способом следования по пути пророка Мухаммеда. Он был убежден, что любой религиозный вопрос может быть понят в своей основе путем соответствующих доказательств из первоисточников: Корана – главной священной книги мусульман и хадисов – преданий о словах и действиях пророка Мухаммеда. Богословские науки, по мнению Баруди, должны были изучаться осмысленно и критически. Полезны только те знания, утверждал он, которые близки к жизни, потребностям людей и общества. Баруди считал, что старые школы, недопустимо отставшие в своем развитии, необходимо преобразовать с целью воспитания активных и сознательных личностей.

Баруди начал обучать шакирдов грамоте по новому методу – звуковому, для чего сам написал ряд учебников. В частности, Баруди составил азбуку, которая называлась «Савад хан», издал учебник по арифметике «Намудан хисаб», написал вводное пособие для изучения арабского языка «Мадхаль Гарабия», книгу по арабской морфологии «Сарфи Гаради». Наряду с традиционными богословскими предметами (обучение религии, законам ислама, хадисам) Баруди ввел в учебные программы «Мухаммадии» светские науки – гуманитарные, естественные и точные. В те годы, когда в этом медресе стал обучаться Закир Шакиров, в старших классах уже преподавались, в частности, логика, экономика и история философии. К концу его обучения в «Мухаммадии», как и других лучших новометодных медресе – «Галия» (Уфа), «Хусания» (Оренбург), «Расулия» (Троицк), – изучались, практически, все дисциплины, входившие в то время в курс общеобразовательных школ⁵. Д.Я. Коблов писал в своей книге «Конфессиональные школы казанских татар», что преподавание в «Мухаммадии» богословских наук (изучение Корана, преданий, законоведения, догматического богословия), а также языков (арабского и турецкого) хотя бы даже при элементарном преподавании общеобразовательных предметов, способствовало высокому

умственному развитию учащихся: *«В этом отношении Галеевское медресе скорее всего приближается к русским духовным семинариям, но с более слабой постановкой общеобразовательных предметов и с менее национальной подготовкой в изучении предметов богословия»* [4, с.103].

Для чтения лекций в «Мухаммадию» были приглашены лучшие правоведы, медики и публицисты Казани. В начале XX века в ней работали Габдрахман Галеев – преподаватель арабского языка, родной брат Галимджана Баруди, Кашаф Таржиман-Заки Усманов – теолог, Гиряй Ильясов – математик, Хасан Султанов – преподаватель русского языка и истории, ставший впоследствии видным татарским языковедом, Абубакир Терегулов – преподаватель медицины и гигиены, Саидгирей Алкин – юрист, депутат 1-й Государственной думы и другие. Весной 1900 года научные курсы по географии, математике и тюркологии в «Мухаммадии» проводил Губайдулла Буби (Нигматуллин)⁶, автор известных в то время учебников по географии, физике, естествознанию. С 1904 года курсы всеобщей и тюрко-татарской истории, экономической политики и истории философии в «Мухаммадии» читал Юсуф Акчура⁷. Джамал Валидов⁸, автор известных «Очерков истории образованности и литературы поволжских татар» (1923)⁹, многие страницы которых посвящены «Мухаммадии» [7], писал, что в ней *«царил возрождающийся ислам»*, мусульманская религия преподавалась не по старинке, на основе *«дряхлой схоластики»*, а на базе первоисточников – Корана, хадисов и *«данных живых наук современности»*. В медресе «Мухаммадия» была атмосфера относительного свободомыслия, шакирды могли объединяться в неформальные общества, выпускать рукописные газеты и журналы, ставить различные театральные спектакли. Неслучайно, что именно в «Мухаммадии» зародилось движение шакирдов со своей подпольной организацией «Берлек» (Единство), ставившей целью радикальную реформу всех конфессиональных учебных заведений поволжских татар. С течением времени за партами «Мухаммадии» стали созревать чуждые Г. Баруди идеи, например, социализм.

Медресе «Мухаммадия» быстро стало признанным центром новометодной образованности, в который стекалась жаждущая знаний молодежь со всей России: из Башкирии, Туркестана, казахских степей, Сибири, с Кавказа. Это медресе по праву можно было назвать татарским университетом дооктябрьского периода. За 36 лет существования (1882–1918) из его стен вышли сотни квалифицированных специалистов, ставших впоследствии политическими деятелями (Хусаин Ямашев, Дулат Али), писателями (Фатих Амирхан, Мажит Гафури, Фатхи Бурнаш, Гали Рахим, Ах-

мет Исхак, Зариф Башири, Ходжа Багиди), драматургами (Галиаскар Камал, Карим Тинчурин, Галимджан и Бурхан Шарафы), композиторами (Салих Сайдашев, Султан Габаши), историками (Наки Исанбет, Саид Вахиди), режиссерами (Зайни Султанов), художниками (Баки Урманче) и др.

«Мухаммадия» не предусматривала подготовку специалистов какого-либо определенного профиля, шакирды получали в этом медресе общее образование. Имелись начальные классы (со сроком обучения 8 лет, в некоторые годы – до 10 лет), средние и старшие (высшие) классы. Сроки обучения не были строго регламентированы, достигая в отдельных случаях 14 и даже 16 лет [4].

Обучаясь в «Мухаммадии», Закир Шакиров часто вспоминал слова своего отца: *«Тот, кто старается, в камень гвоздь вобьет»*. С присущим ему упорством он берется за пополнение своих знаний по общеобразовательным предметам. Начав с логики, Закир быстро заканчивает классы «игдади» (предшествующие высшим) и «гали» (высшие классы). Он изучает арабский, персидский и турецкий языки, о чем указывает в своих «Автобиографиях» [8, 9]. Превосходное знание этих языков, наряду с татарским и башкирским, позволило Закиру Шакирову впоследствии овладеть языками других народов СССР – азербайджанским, узбекским, киргизским и казахским.

Закир продолжал с усердием изучать географию, историю, математику, педагогику и языковедение. С особым упорством он совершенствовал свой русский язык, для чего брал частные уроки. В годы учебы в «Мухаммадии» Закир Шакиров систематически читал газеты «Казан мухбире» (Казанский вестник), «Фикер» (Мысль), «Шура» (Совет), «Ан» (Сознание), педагогические журналы «Мугаллим» (Учитель), «Мектеб» (Школа)¹⁰. Материалы этой периодической печати способствовали расширению познаний Закира-шакирда об окружающем мире, они стали дополнительным источником расширения его кругозора.

Неоценимую роль в формировании педагогических взглядов Закира Шакирова сыграло знакомство с трудами выдающихся русских педагогов – К.Д. Ушинского, Е.Н. Водовозова, П.Ф. Каптерова, Ф.И. Буслаева, Н.А. Корфа, В.П. Вахтерова и других.

В начале января 1900 года у Закира Шакирова возникла мысль познакомиться с Каюмом Насыри¹¹, выдающимся татарским просветителем, известным борцом против религиозной схоластики, национальной замкнутости и косности. Со своими товарищами по учебе он отправился на квартиру к 75-летнему ученому, проживавшему в то время в Казани на Мокрой улице. Занимаемая К. Насыри тесная чердачная каморка с прохудившейся крышей размещалась над ка-

баком: снизу постоянно доносились пьяные песни, крики и шум, то и дело вспыхивали драки. Посередине комнаты шакирды с удивлением увидели верстак, булькали какие-то жидкости в колбах, по углам были навалены различные железки, камни и трубы. Подобно ремесленнику, хозяин комнаты постоянно занимался лужением посуды, серебрением и золочением. Встретивший шакирдов Каюм Насыри внешне был неказист: небольшого роста, сильно скособоченный, слепой на один глаз старичок (следствие перенесенной в детстве кори). Он носил тюбетейку – небольшую полусферическую с четырехклинным верхом шапочку (каляпуш), долгополый просторный мусульманский халат (чапан) и узкие белые штаны. На ногах – резиновые галоши поверх толстых вязаных носков, в руках сучковатая хорошо отполированная временем палка. Соседи всегда смеялись над «косым Каюмом» – живет один как перст, работает как вол, все не может выбиться из нужды, а еще называется ученым. Фанатичные приверженцы ислама люто ненавидели его и называли Урус-Каюмом – «продавшимся русским».

А ведь никто иной, как этот самый «Урус-Каюм», открыл в 1871 году в Казани первую школу для обучения татарских детей русскому языку. Учеников было мало, их часто подкарауливали на улице и избивали. Если же в школу заходили шакирды из близлежащих медресе, их преподаватели (мугаллимы) пороли за это строптивцев розгами: *«Не учи язык безбожников и кяфиров, не становись веротступником»*. Но учитель Каюм снова и снова шел по дворам, уговаривал родителей прислать к нему учеников, развешивал объявления о приеме в свою школу.

В деревнях Казанской губернии Каюма Насыри знали как ученого-муллу. С небольшими перерывами в течение 24 лет (с 1871 по 1895 годы) он издавал на свои средства ежегодный настольный календарь, впервые употребив в татарском языке само слово «календарь». В нем, наряду с чисто практическими сведениями о религиозных праздниках, ценами на рожь, шерсть и говяжье сало в разных уездах Казанской губернии, расписанием пароходов, ходивших по Волге и Каме, содержались популярные сведения по физике, астрономии, медицине, публиковались народные сказки, песни, пословицы, переводы восточных авторов, отрывки из собственных сочинений Каюма Насыри. До этого календаря почти все печатные издания публиковались либо на арабском и персидском языках, либо на старом тюрки – непонятном народу древнем литературном языке. Татарский разговорный язык считался вульгарным и недостойным для книжного употребления. Каюм Насыри, в совершенстве владея арабским, персидским и турецким языками, обращаясь в своем календаре к самым широким народным массам, дал татарскому книж-

ному языку турки права гражданства, всячески шлифовал и оттачивал его, вырабатывая нормы литературного татарского словоупотребления.

Кроме календаря, широкой популярностью пользовались книги Каюма Насыри: «На досуге» (1860) – своего рода первый научно-популярный сборник для детей на татарском языке, «Книга для собеседников по литературе» (1884), в которой приводились поучительные примеры, как те, которым нужно подражать, так и те, коих следовало остерегаться. Его «Кабус-намэ», повесть о мудрых наставлениях и заповедях восточного царя, в 1881 году была издана и на русском языке. Каюм Насыри одним из первых начал собирать, изучать и классифицировать образцы народного творчества татарского народа. Его труд «Образцы народной литературы казанских татар» также был опубликован в 1881 году и на русском языке.

Поэтому неудивительно, что Каюм Насыри по праву справедливо считается одним из основоположников татарской фольклористики. Известный советский тюрколог, член-корреспондент АН СССР Н.К. Дмитриев говорил о том, что по стилю своей деятельности Каюм Насыри был похож на Леонардо да Винчи или Михаила Ломоносова. Не осталось ни одной фотографии или прижизненного портрета Каюма Насыри (те, что обычно публикуются в книгах об ученом – позднейшая реставрация по устным свидетельствам современников). Когда в конце его жизни одно из научных обществ обратилось к Каюму Насыри с предложением сфотографироваться, полуслепой Каюм отказался, сказав: *«Когда я голодал, никто не интересовался, как я живу, а теперь уже поздно...»*¹².

Во время встречи с шакирдами «Мухаммадии» Каюм Насыри подарил им собственные книги и учебники известных татарских педагогов. Закиру Шакирову достались две книги, написанные самим ученым, – «Свободное время» и «Географический словарь», а также учебник «Краткая мировая география», принадлежавший перу преподавателя медресе «Иж-Буби» Мухамедфайзи Губайдуллина¹³. Навсегда Закиру и его товарищам запомнились слова Каюма Насыри, сказанные им при встрече: *«Читая мудрые книги, становитесь на путь нравственного совершенствования, будьте честными и просвещенными людьми»*.

В дальнейшем у Закира Шакирова сложились с Каюмом Насыри, несмотря на разницу в возрасте, хорошие дружеские отношения. Ученому нравилось, что Закир отлично ознакомился с большинством написанных им книг, что он имел глубокие познания в области истории, географии, восточной литературы. Каюм Насыри неоднократно советовал своему молодому другу глубоко овладеть араб-

ским языком. Он всячески содействовал тому, чтобы Закир серьезно занялся изучением науки и культуры Востока.

Каюм Насыри представил Закира Шакирова своему близкому другу, собирателю фольклора татарского народа и этнографу, профессору Казанского университета Николаю Федоровичу Катанову¹⁴, знакомство с которым в дальнейшем переросло в большую дружбу, сыгравшую огромную роль в последующей научной и педагогической судьбе молодого педагога и будущего ученого-тюрколога.

Очень скоро, благодаря своим знаниям в области восточных языков, литературы и истории, большому трудолюбию и доброжелательному отношению к окружающим, Закир Шакиров стал пользоваться заслуженным авторитетом среди учителей и шакирдов. В 1902 году, еще будучи учеником высшего класса «Мухаммадии», он стал сначала помощником учителя в младших классах этого медресе, а несколько позже самостоятельно проводил уроки по родному языку и литературе в средних классах. Именно тогда молодой учитель на практике смог убедиться в том, что для успешного обучения шакирдов недостаточно знаний по самому предмету, для передачи их учащимся необходимо овладеть методиками – искусством преподавания предметов.

В этот период Закир Шакиров встретился с Мажитом Гафури, будущим известным башкирским и татарским писателем, народным поэтом БАССР (1923). Мажит Гафури родился в деревне Зилим-Караново Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (ныне Гафуринский район Республики Башкортостан). В этих краях башкиры и татары издавна жили бок о бок, поэтому М. Гафури одинаково были дороги и напевы башкирского курая, и мелодии татарского саза. Оставшись с 13 лет без отца и матери, он сполна заплатил за обучение в «жизненных университетах», заболев болезнью бедных – чахоткой, которая и свела его в могилу. После попыток обучения в медресе «Расулия» в Троицке и «Иж-Буби» Мажит Гафури пришел к выводу, что лучше получить образование в «Мухаммадии». К тому времени будущий известный писатель уже был автором нескольких произведений. В 1902 году, когда Мажит Гафури еще обучался в старорежимном медресе ишана Зайнуллы в Троицке, он написал свое первое стихотворение «Шакирдам ишана», в котором выразил возмущение существовавшей в то время схоластической системой обучения. Это вызвало восхищение одних, тайком переписывающих стихотворение в свои тетрадки, и возмущение других, зло высмеявших Мажита Гафури и поколотивших «богохульного стихотворца», – таков был первый «гонорар» начинающего автора. В 1904 году вышел первый сборник стихов Мажита Гафури «Сибирская железная дорога», навеянный поездкой по только что проложенной трансси-

бирской магистрали. С одной стороны, автор сборника был восхищен размахом крупнейшего по тем временам строительства, а с другой стороны, рядом с «чудом прогресса» увидел покосившиеся плетни, избы, крытые соломой, людей в лаптях и онучах, слепо верящих каждому слову муллы или имама. Просвещение народа, приобщение к европейской культуре – вот в чем видел автор единственный путь спасения нации. Прогресс и просвещение для него, по существу, синонимы. При этом Мажит Гафури имел в виду народ и нацию в целом, не выделяя отдельных классов или сословий.

Встречи Закира Шакирова с Мажитом Гафури возобновились после 1915 года в Уфе, где писатель стал постоянно жить с 1906 года, они быстро переросли в крепкую дружбу, прерванную смертью поэта и писателя в 1934 году.

Революционные события 1905 года, начавшиеся с борьбы демократических сил России сначала в Петербурге и Москве, быстро охватили всю страну. Еще в 1904 году в Казани возникла нелегальная политическая организация (комитет) «Аль Ислах» (Реформа), в программу которой входила задача осуществления реформы образования, включающей, в частности, борьбу против схоластики в преподавании и демократизацию всей школьной жизни. Организация имела свои филиалы в Оренбурге, Троицке, Уфе, Чистополе и других городах. По инициативе «Аль-Ислах» были созданы два нелегальных Всероссийских съезда шакирдов (1906, 1907). Однако, во второй половине 1907 года организация «Аль-Ислах» перестала функционировать, наиболее активные ее члены сгруппировались вокруг имевшей то же название газеты.

Ежедневная газета «Аль-Ислах» издавалась в Казани с 3 октября 1907 года по 22 июля 1909 года. Всего вышли 68 номеров. Официальным издателем и редактором газеты был Ахметвафа Бахтияров,¹⁵ а фактическим редактором Фатих Амирхан.¹⁶ В ней печатались Габдулла Тукай, Галимджан Ибрагимов, Сагит Рамиев, Галиаскар Камал, Юсуф Акчура и многие другие. Именно в редакции газеты «Аль-Ислах» Закир Шакиров случайно познакомился с выдающимся поэтом Габдуллой Тукаем.

Габдулла Тукай был исключительно цельным человеком. С одной стороны, его болезненные застенчивость, замкнутость и суровость проистекали от повышенной ранимости. Габдулла Тукай всегда говорил правду, не щадя при этом ничьего самолюбия, часто портя тем самым отношения с самыми близкими друзьями. С другой стороны, его раздражали мещанская ограниченность окружающих и пошлость ежедневной жизни. Порою, по воспоминаниям современников, Габдулла Тукай был даже очень злым, но это происходило, скорее, от его чрезмерной стыдливости. В нем никогда не было той

уверенности, изящества и аристократизма, как, скажем, у Фатиха Амирхана. Габдулла Тукай всегда избегал шумного общества, не любил публичных выступлений, сторонился женщин. В то же время его всегда тянуло к людям. Предпочитая оставаться незамеченным, он часто бродил по Казани, любил приглядываться к постоянным завсегдатаям знаменитого Сенного базара, в комплексе которого находился доходный дом купца И.И. Апакова, построенный в 1866 году по проекту архитектора П.И. Романова. В начале XX века часть здания арендовалась под гостиницу «Булгар». Здесь же находились редакции газет «Юлдуз», «Аль-Ислах», а в 1908 году начал работать центр татарской интеллигенции под названием «Восточный клуб» (Шарык).

Двери в каморке Габдуллы Тукая на верхнем этаже номеров «Булгар» никогда не закрывались: гости приходили и уходили, когда им вздумается. Габдулла Тукай и тяготился таким многолюдством, и был рад гостям. При необходимости он всегда мог отрешиться от мирской суеты: посетители нередко замечали, что Тукай здесь, и в то же время его нет. Безнадежно больной и отчетливо сознающий тяжесть своего положения, он был очень безжалостен к себе, никогда не щадил себя в работе; пил крепкий чай, много курил, а ночами не мог спать, выкашливая табачную копоть из своих легких.

Вот как о первой встрече с Габдуллой Тукаем писал Закир Шакиров в своих воспоминаниях о великом поэте, опубликованных в 1946 году в журнале «Октябрь» [10]: *«Однажды редактор газеты Вафа Бахтияров обратился к молодому человеку, который находился в редакции и что-то писал:*

– Вот это и есть учитель Закир. Будьте знакомы. А это Тукай-эфенди, он возглавляет литературный отдел газеты. Закир-эфенди – учитель медресе «Мухаммадия».

Вспоминая об этой встрече, Закир Шакиров рассказывал: *«Габдулла был небольшого роста, круглолицый, с удивительно острым и пронизательным взглядом, движения его были легки, но порывисты. Весь его облик, поведение как бы подчеркивали, что это не по возрасту мудрый юноша, обладающий лишь свойственной ему индивидуальностью, в которой сквозило его величие».*

Встречи продолжались в гостинице «Булгар», где Закир Шакиров и Габдулла Тукай занимали небольшие отдельные номера, на литературных встречах в Восточном клубе «Шарык». Летом Габдулла Тукай, Вафа Бахтияров и Фатих Амирхан часто вместе проживали в квартире, расположенной на Армянской улице. Взгляды Фатиха Амирхана на проблемы обучения и воспитания татарской молодежи, смелые рассуждения Габдуллы Тукая о роли литературы и искусства в воспитании народа, мысли Закира Шакирова о важности

дошкольного воспитания детей средствами родного языка, значении светского образования послужили установлению между ними тесных дружеских отношений.

Габдулла Тукай советовал Закиру выступать в казанских газетах и журналах со статьями по проблемам обучения и воспитания. В одном из номеров газеты «Аль-Ислах» Закир опубликовал небольшую статью, посвященную состоянию обучения в медресе «Мухаммадия».

Поэтический дар Габдуллы Тукая, универсальность его мышления, способствовавшие созданию в его творчестве цельной картины многообразной жизни татарского народа, произвели на Закира Шакирова неизгладимое впечатление. А великий поэт увидел в новом знакомом свой идеал учителя, он с особым вниманием слушал его рассказы о медресе, преподавателях и шакирдах. Может быть, результатом именно этих бесед явился ряд сатирических публикаций Габдуллы Тукая на страницах газеты «Аль-Ислах», в частности небольшое эссе «Что говорят шакирды, вышедшие из медресе» (1907), в котором бичевались феодально-патриархальные пережитки, господствовавшие в старометодных медресе, и невежественные учителя.

Однажды Закир Шакиров узнал, что Габдулла Тукай, наслышанный о его уроках географии, хочет их посетить. В установленное время поэт пришел в медресе «Мухаммадия». Вот как об этом писал сам Закир Шакиров в «Моих воспоминаниях о великом поэте» [11]:

«...Весь урок Габдулла Тукай внимательно слушал, как я с помощью диапозитивов, проекционного фонаря и других наглядных пособий рассказывал шакирдам о Камчатке, Сахалине, Корее и Японии. После урока Тукай подошел ко мне и сказал:

– Вот как, оказывается, надо изучать географию...»

Закир Шакиров приветствовал официальное разрешение Министерства народного просвещения об использовании в учебном процессе в качестве пособий книг Габдуллы Тукая «Новое чтение» и «Уроки национальной литературы в школах». Когда Тукай в возрасте 27 лет умер, Закир глубоко переживал его смерть, он всегда чтит память своего выдающегося друга, много сделал для популяризации его творчества. Приезжая в Казань, всегда посещал могилу Тукая.

В 1909 году в Казани вышел учебник Закира Шакирова по географии [12], ставший итогом его многолетнего увлечения этим предметом, а также методикой преподавания географии в школе. Издание было адресовано учащимся начальных классов медресе и имело целью дать детям первоначальные сведения о мировой гео-

графии. В последующем книга была переиздана (1914 год, Казань, типография «Умид» (Надежда)).

В редакции газеты «Аль-Ислах» в разные годы Закир Шакиров познакомился и с другими людьми, ставшими впоследствии яркими представителями новой татарской интеллигенции. Это Галиаскар Камал¹⁷, будущий основоположник татарской литературы и театра, Мухитдин Курбангалиев¹⁸, педагог, автор большого количества учебников, Фатих Халиди¹⁹, писатель-просвещенец, переводчик и многие другие.

В 1908 году в общественно-политической и экономической газете «Баянуль хак» (Вестник правды) была опубликована статья Закира Шакирова «Кто они, тептяри Уфимской губернии?». В этой статье, открывающей список научных трудов ученого, была дана краткая географическая характеристика Уфимской губернии, раскрыты этнографические особенности проживающих в ней татар, рассказывалось об особенностях их быта.

По каким-то причинам Закир Шакиров в своих документах не указывал, что его обучение и преподавание в «Мухаммадии» несколько раз прерывалось. Информация об этом содержится в статье о Закире Шакирове, опубликованной в журнале «Магариф» [13]: *«В связи с предстоящим осенью 1903 года призывом в армию Закир Шакиров уезжает в деревню. До начала февраля 1904 года он преподает арифметику и географию в сельском медресе, а старших шакирдов знакомит с азбучно-звуковым методом обучения детей грамоте. В 1905 году он снова в Казани: в старших классах учится сам, в младших преподает. В 1906 году он учительствует в деревне Иса Инсарского уезда. В 1907–1908 годах снова в «Мухаммадии»: ведет географию в средних классах (рушди), а в классах, предшествующих высшим (игдади), – географию, общую и тюрко-татарскую историю. В 1909 году вместе с Наджибом Тюнтери участвует в организации школы рушди²⁰. В 1910–1916 годы он снова преподает в «Мухаммадии».*

Сам же Закир Шакиров в своей «Автобиографии» ограничивается краткой фразой: *«С 1909 по 1912 годы работал преподавателем в русской школе для татарских мальчиков Министерства просвещения. В 1909 году хотел поступить в Казанский учительский институт, но не получил на это разрешение Министерства просвещения»* [8, 9]. А вот выписка из его «Трудовой книжки»: *«С 15 сентября 1909 по сентябрь 1912 года – преподаватель в русской школе для татарских мальчиков Министерства народного просвещения (Казань)».*

---

3. В Университете имени А.Л. Шанявского

Хорошо понимая, что для воплощения в жизнь мечты стать настоящим учителем знаний только по конкретным предметам недостаточно и что для профессионального обучения шакирдов необходимо овладеть методиками преподавания, в 1909 году Закир Шакиров предпринял попытку поступить в Казанский учительский институт, однако не получил необходимого для этого разрешения Министерства народного просвещения.

Не оставив горячего желания овладеть профессиональным искусством преподавания, по рекомендации своего постоянного наставника профессора Н.Ф. Катанова, Закир решил в том же году поступить в незадолго до этого открывшийся Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Закир Шакиров не закончил это учебное заведение: вынужден был покинуть его на IV курсе из-за материальных трудностей. Однако университет оказал на его становление как профессионала-педагога столь большое влияние, что представляет интерес ознакомить читателя с малоизвестными страницами истории создания и деятельности этого уникального учебного заведения. Университет имени А.Л. Шанявского был закрыт в конце 1918 года Декретом ЦИК РСФСР с формулировкой, смысл которой состоял в том, что в Советской России все университеты после революции стали народными.

Идея открытия народных университетов как общедоступных просветительных учреждений, способствующих повышению культуры и профессионального мастерства независимо от уровня и возраста обучающегося, зародилась в Европе впервые еще в середине позапрошлого века (в 1844 году в Дании, а затем в Германии, Финляндии и Англии). Подобные университеты были популярны и в России: в начале XX века в Москве и Санкт-Петербурге возник це-

лый ряд таких общественных организаций, например, «Общество народных университетов» и «Народные университеты». Однако Московский городской народный университет, учрежденный в 1908 году по инициативе и на средства либерального деятеля, отставного генерал-майора А.Л. Шанявского (1837–1905), поляка по происхождению, был в России народным университетом особого типа [14].

Отставной генерал А.Л. Шанявский связывал создание народного университета с поиском выхода России из того кризиса, в котором она находилась в начале XX века (студенческие волнения, восстание на броненосце «Потемкин», забастовки рабочих, недовольство крестьян, «охота» революционеров-террористов на высокопоставленных представителей власти).

15 сентября 1905 года А.Л. Шанявский направил в Московскую городскую думу свое заявление: *«... В нынешние тяжелые дни нашей общественной жизни, признавая, что одним из скорейших способов ее обновления и оздоровления должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатий народа к науке и знанию – этих источников добра и силы, – я желал бы, по возможности, оказать содействие скорейшему возникновению учреждения, удовлетворяющего потребности высшего образования. Поэтому я прошу Московское городское общественное управление принять от меня, для начала, дом с землею для устройства в нем, или доходов с него, народного университета...»*

Одновременно А.Л. Шанявский направил письмо и в адрес министра народного просвещения: *«... Несомненно, нам нужно как можно больше умных, образованных людей. В них вся наша сила и наше спасение, а недостаток их – причина всех бед, несчастий и того прискорбного положения, в котором очутилась наша страна... Все ясно осознали ту аксиому, что с одними руками и ногами ничего не поделаешь, а нужны головы. И чем лучше они гарнированы и чем многочисленнее, тем страна богаче, сильнее и счастливее.... Свободное образование после многих веков мрака придет когда-нибудь и в нашу страну, – в этом твердом уповании я и несу на него свою лепту, но зачем же еще лишнему поколению гибнуть в этом мраке?..»*

25 октября 1905 года Московская городская дума постановила: *«Принято с благодарностью»*. 7 ноября того же года А.Л. Шанявский подписал свое завещание, и в тот же день к вечеру от разрыва сердца умер. Однако постановление Мосгордумы еще не означало открытия университета. Должны были последовать три года напряженной борьбы, чтобы началась практическая реализация завещания А.Л. Шанявского. В завещании специально оговаривалось, что если до 3 октября 1908 года народный университет в Москве открыт

не будет, его средства поступят в пользу Женского медицинского института в Петербурге.

30 мая 1905 года Московская городская дума утвердила «Положение об университете», который предполагалось открыть осенью того же года. Однако московский градоначальник опротестовал постановление городской думы. Проект был передан, таким образом, на прохождение всех официально необходимых государственных инстанций. Так началась та волокита, которую предвидел А.Л. Шанявский, назначив в завещании трехгодичный срок для открытия университета. «Положение...» было сначала направлено министру внутренних дел, а тот, в свою очередь, передал его министру народного просвещения П.М. Кауфману. Последний направил дело об открытии университета теперь уже в Государственную думу, где вокруг вопроса об университете разразилась целая битва.

Первое заседание в Государственной думе по этому вопросу состоялось 25 января 1908 года, а вторично после ряда исправлений в «Положении...» через три месяца. Сохранился стенографический отчет о заседании Государственной думы 3 июня 1908 года [15]. Выступили 20 депутатов, большинство – против открытия университета. Приведем лишь короткую выдержку из речи не просто красноречивого, но почти пророчески умного монархиста В.М. Пуришкевича, известного мракобеса, яркого реакционера, одного из лидеров крайне правых «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела»: «... *Революционные партии захватывают народные школы... и не пройдет и несколько лет, как революция повторится*²¹ .... *Выступит целая армия из народных масс, а теперь стремятся революционизировать эти массы, которые пока еще верны Православию, Самодержавию и Русскому народу (аплодисменты справа)... Если мы санкционируем почин Шанявского, то разрушим в конце концов Россию! (шум слева, возгласы «дойлой!!», звонки председателя)...*».

Безусловно, были выступления и за принятие положительного решения, но из приведенной стенограммы не следовало, что они произвели на депутатов должное впечатление. И тем не менее, идея университета оказалась столь привлекательной, что Дума поддержала ее: в результате обсуждения большинство проголосовало «за»²².

Положительное решение Государственной думы об открытии Университета Шанявского было утверждено на заседании Государственного совета, на котором с блестящей речью выступил известный юрист и общественный деятель, почетный академик Петербургской академии наук А.Ф. Кони. Он, в частности, сказал: «... *Народный университет открывается для действий в области спокой-*

ной общественной жизни. Жажду знаний, а не жажду шумных тревог хотел, по мере сил, утолить покойный Шанявский, когда говорил в своем обращении к народу о тяжелых днях нашей общественной жизни, о ее обновлении и оздоровлении и о привлечении симпатий народа к источникам добра и силы – к науке и знанию... Я ходатайствую перед Государственным советом ввиду возвышенных целей покойного Шанявского и ценности вклада, сделанного им на пользу русского просвещения, об утверждении проекта Думы в целом, без сомнений и колебаний, не ставя препон хорошему делу и относясь к русскому человеку с тем доверием, с каким отнесся к нему Альфонс Леонович Шанявский».

На принятом Государственным советом Законе об утверждении «Положения о Московском народном университете имени А.Л. Шанявского» царь Николай II начертил традиционное: «*Быть посему*». 1 октября 1908 года в помещении Городской думы на Воскресенской площади (ныне площадь Революции) состоялся торжественный молебен в честь открытия университета Шанявского. Так воплотилась в жизнь главная мечта А.Л. Шанявского. Он был скромным человеком, нигде и никогда, ни в завещании, ни в дарственной записи не выразил желания, чтобы университету было присвоено его имя. Это имя дали университету в знак глубокой благодарности за тот вклад, который внес в развитие русской культуры, образования и науки А.Л. Шанявский.

В Университет Шанявского принимались лица обоего пола с шестнадцати лет, независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и политических взглядов. Было два отделения – научно-популярное и академическое. Научно-популярное отделение (четырёхгодичное), на котором могли обучаться лица, получившие элементарную подготовку, давало знания в объеме среднего учебного заведения. Академическое отделение (трехгодичное) давало высшее образование в объеме университетской программы по трем циклам – естественно-историческому, общественно-юридическому и историко-философскому. Кроме того, при университете имелись курсы дошкольного воспитания, библиотечной работы, внешкольного образования и по кооперации. Занятия на них проводились в вечернее время. Лица, окончившие Университет Шанявского, не получали никакого официального диплома. Несмотря на это, число слушателей в нем быстро росло. Если в первом семестре 1908/1909 учебного года было всего лишь 400 слушателей, то в 1912/1913 учебном году их число составило уже 3600. Представление о глубине знаний, получаемых слушателями академического отделения, дает учебный план 1915/1916 года. Лекции читались по 53 предметам: математике, механике, физике, астрономии, неорганической,

органической и аналитической химии, кристаллографии, минералогии, геологии, палеонтологии, ботанике, анатомии и физиологии растений, зоологии, физиологии животных, политэкономии, статистике, общей теории права, государственному, гражданскому, крестьянскому, уголовному, торговому, административному праву, 20 разным предметам по выбору (в том числе по истории, славянской литературе, языкознанию, проблемам воспитания, внешкольной просветительской деятельности, библиотечному делу), а также английскому, французскому и немецкому языкам.

Занятия в Университете Шанявского в 1908 году проводились в разных помещениях. В сезон 1909/1910 учебного года для занятий был приспособлен бывший Голицынский дом на Волхонке. Лекции по химии читались в Политехническом музее, физическая лаборатория была организована в Мертвом переулке. Научно-популярное отделение разместилось в Городском училище на Миусской площади.

24 июля 1911 года на Миусской площади состоялась торжественная закладка собственного здания Университета Шанявского. Над возведением здания (Миусская площадь, дом 6) работали лучшие архитекторы и строители. Проект университетского корпуса был представлен профессором физики А.А. Эйхенвальдом, (выпускником Московского университета и Института инженеров путей сообщения в Петербурге). Главный фасад и отделку здания разработал архитектор И.А. Иванов-Шиц, автор постройки в Москве комплекса зданий Боткинской больницы. Здание представляло собой сильно вытянутый в длину трехэтажный корпус с двумя боковыми ризалитами. Главный вход вел в вестибюль, располагавшийся в центральной части здания. Над вестибюлем размещалась «главная аудитория» на 600 слушателей. В правой части здания, на нижнем этаже, находились канцелярия и фундаментальная библиотека. Второй и третий этажи занимали общественно-юридическое и историко-философское отделения. Занятия в этом грандиозном здании начались уже в 1912/1913 учебном году.

Университет Шанявского очень скоро стал известен как в самой Москве, так и в целом по России. Достаточно сказать, что лекции здесь читали Е.Н. Трубецкой, А.Ф. Кони, Ю.В. Готье, П.П. Блонский, В.И. Вернадский, А.Н. Реформатский, М.М. Ковалевский, Н.К. Кольцов, М.М. Завадовский, А.С. Серебровский, А.Е. Ферсман и другие. Среди слушателей также были многие ставшие в дальнейшем выдающимися люди, например, С. Есенин (поэт), Н.В. Тимофеев-Ресовский (биолог-генетик). Возможно, что для того времени Университет Шанявского – первый в России университет, здание которого в должной мере было приспособлено не только для чтения

лекций, но и для проведения студенческих лабораторных работ и для организации научной работы преподавателей.

В 1911 году в Московском университете произошли студенческие волнения, и автономия его была нарушена: помещения заняли жандармы и казаки. На протест ректора А.А. Мануйлова министр народного просвещения Л.А. Кассо ответил грубостью, и ректор подал в отставку. В знак солидарности с ним в отставку ушли проректор М.А. Мензбир и свыше 100 «основных» профессоров и доцентов Московского университета. Большинство из них, в том числе М.А. Мензбир (биолог), П.Н. Лебедев (физик), К.А. Тимирязев (физиолог), нашли работу, получили кафедры и лаборатории именно в Университете Шанявского, который всегда находился в ведении Московской городской думы и не принадлежал к системе учреждений Министерства народного просвещения²³.

Выше уже говорилось, что Закир Шакиров поступил на I курс историко-философского отделения Университета Шанявского осенью 1909 года. Учился он с большим прилежанием, одновременно повышал свои знания по языкознанию на краткосрочных курсах при университете. Он посещал большинство необязательных (по выбору) курсов, среди которых были курсы по дошкольному воспитанию (руководимые С.Т. Шацким и В.Н. Шацкой), внешкольной просветительской деятельности и библиотечному делу. Последними руководили М.М. Покровский и М.А. Покровская, благодаря которым Закиру Шакирову удалось поработать не только в превосходном библиотечном музее при университете, уже в то время обладавшем обширным фондом библиотековедческой литературы, но и ознакомиться с деятельностью других крупнейших московских библиотек (в частности, с библиотекой имени А.С. Грибоедова), что дало ему впоследствии многое для практической работы в области библиотечного дела в Уфимском земстве и Губернском краеведческом музее в Уфе.

Как уже было сказано, к сожалению, осенью 1915 года из-за материальных затруднений Закир Шакиров прекратил учебу в Университете Шанявского и уехал в Уфу.

---

4. В Уфимском губернском земстве

С 1 февраля 1915 года по 10 октября 1917 года Закир Шакиров состоял в должности инструктора и помощника заведующего инородческим подотделом при отделе народного образования Уфимского губернского земства²⁴. В этот период на разных должностях там работали Н.П. Брюханов, А.А. Юрьев, А.Д. Цюрупа, ставшие впоследствии руководителями уфимских большевиков а также С.Ф. Гарденин, П.Н. Григорьев и М.И. Обухов – выдающиеся статистики народного образования. Последний был автором исследования «Мектебы Уфимской губернии», вышедшего в свет в 1915 году. В подзаголовке скромно названная статистическим очерком изучения состояния татарских и башкирских школ по данным исследований их Уфимской губернской управой в 1912–1913 годах, книга, фактически, явилась первой и единственной в то время в России монографией по данному вопросу. Ее цифровыми данными до сих пор пользуются все, кто занимается историей общеобразовательных мусульманских школ.

В Земстве Закир Шакиров отвечал за организацию внешкольного обучения нерусских детей, комплектование авторских коллективов для разработки соответствующих учебников и методических руководств. Эта деятельность осуществлялась с большим знанием дела и присущей ему добросовестностью. Поэтому неудивительно, что очень скоро он стал заместителем заведующего подотделом инородческого образования Уфимского губернского земства.

При активном участии Закира Шакирова в июне 1915 года Уфимская губернская земская управа провела совещание учителей и мугаллимов, созванное для просмотра и рекомендации учебников, используемых в то время в начальных инородческих школах. Он

стал редактором «Протоколов и докладов» этого совещания, вышедших в издании «Восточной печати» в 1916 году [16].

На это совещание, проходившее в Уфе с 20 по 27 июля 1915 года, прибыли 25 человек. Они представляли учителей и мугаллимов Москвы (М. Галиев), Казани и Казанской губернии (М. Курбангалиев¹⁸, Ф. Сайфи²⁵), Уфы (Ш. Саттаров, Х. Ахтямов²⁶), Оренбурга (Н. Надиев²⁷, Темербулатов), Челябинска (Ш. Якупов, Х. Баязидов, Х. Бадигов²⁸, Р. Ибрагимов), Троицка (Х. Искандеров²⁹) и уездов: Уфимского (М. Султангалиев³⁰, Т. Богданов, Г. Кадрачев, М. Чинаев), Бирского (М. Салимджанов, А. Асылбаев), Мензелинского (Ш. Султанов), Бугульминского (М. Губайдуллин). Кроме этого, в работе совещания приняли участие «сведущие лица»: Галимджан Ибрагимов³¹, Сагит Сунчалаяев³², Мажит Гафури и два заведующих инородческими подотделами – И. Бикчентаев (Оренбургское губернское земство) и Г. Терегулов³³ (Уфимское губернское земство).

Всем приглашенным на совещание предварительно был разослан список подлежащих рассмотрению учебников на русском и татарском языках, составленный отделом народного образования на основании изучения большинства учебников и руководств для инородческих школ, существовавших в то время. В этот предварительный список были включены учебники на русском языке – буквари и книги для чтения – десяти авторов, учебники по русской грамматике пяти авторов, учебники по арифметике девяти авторов, а также учебники на татарском языке – буквари и книги для чтения – пяти авторов, учебники по арифметике восьми авторов, учебники по географии шести авторов. Таким образом, на совещании предстояло проделать большую работу: необходимо было просмотреть учебники на русском и татарском языках шестидесяти трех авторов. Участники совещания с возложенной на них работой справились успешно. Главное внимание было уделено просмотру и практическому разбору учебников на татарском языке, что объяснялось, с одной стороны, полным отсутствием критических отзывов на эти учебники, а с другой стороны, новизной самого дела оценки качества используемой учебной литературы.

Для практического разбора учебников на татарском языке на основании заслушанных докладов были предварительно выработаны определенные требования, которым должен соответствовать удовлетворительно составленный учебник на татарском языке. По мнению участников совещания, буквари и книги для чтения на татарском языке, чтобы их можно было признать правильно составленными, должны были удовлетворять следующим основным требованиям:

– букварь должен был использовать звуковой метод обучения;

- правописание татарского языка в букварях и книгах для чтения должно быть общепринятым и единообразным;
- содержание материала букварей и книг для чтения должны соответствовать и способствовать постепенному умственному развитию учащихся;
- буквари и книги для чтения должны быть иллюстрированы рисунками из жизни родного народа;
- изображения букв и шрифт в букварях и в книгах для чтения должны быть постепенно уменьшены;
- в букварях и книгах для чтения, по возможности, не должны быть использованы иностранные слова;
- одинаковые звуки в букварях не должны быть помещены рядом;
- в букварях, по возможности с самого начала, должны быть помещены народные поговорки, пословицы, загадки и стихотворения;
- в букварях должны быть примеры, предназначенные для списывания и письменных упражнений;
- каждая книга для чтения, предназначенная для определенного отделения школы, должна иметь в своем содержании достаточный материал для прохождения курса этого отделения;
- в книгах для чтения и в букварях не должно быть ничего противного и несоответствующего религиозному и национальному чувству народа;
- книги для чтения должны содержать отрывки из родной литературы и статьи научного характера о природе и жизни.

Участники совещания, руководствуясь при разборе учебников на татарском языке этими основными требованиями, тщательно рассмотрели каждый отдельный учебник и признали, что ни один из букварей и ни одна книга для чтения, представленные совещанию, не отвечали всем предъявляемым требованиям. Поэтому в рекомендованный список были включены лишь те из них, которые в наибольшей степени отвечали выработанным совещанием требованиям. Что касается учебников по арифметике и по географии, то они совещанием были просмотрены так же тщательно и критически. В список рекомендуемых были включены только лучшие из них.

Для просмотра и критического разбора учебников на русском языке совещание избрало особую комиссию, в состав которой вошли А. Асылбаев, Г. Губайдуллин, Г. Богданов, Г. Кадрачев, М. Курбангалиев, Н. Надиев, Ф. Сайфи, Ш. Салимджанов, М. Султангалиев и Ш. Султанов. Для критического разбора учебников на русском языке (букварей и книг для чтения) комиссия выработала следующие основные требования, без удовлетворения которых, по ее мнению, учебник не мог быть признан достойным для использования в инородческой школе:

- в учебниках не должно было быть никакой тенденциозности;
- содержание учебника должно было быть взято из жизни той народности, для которой он составлен;
- материал учебника должен соответствовать умственному и нравственному развитию учащихся;
- материал и его расположение в учебнике должны соответствовать более легкому усвоению русского языка учащимися;
- учебник русского языка должен отвечать общим требованиям дидактики и соответствовать общим методикам, а также методике преподавания русского языка в школе данной народности;
- учебник должен быть составлен по естественному и наглядно-практическому методам;
- в словах должны быть поставлены ударения;
- в конце учебника русского языка должен быть помещен русско-татарский словарь трудных слов и оборотов;
- в букваре трудные звуки должны быть помещены в конце;
- в учебнике русского языка должно быть обращено главное внимание на образование слов.

Эти основные требования, выработанные комиссией для оценки учебников на русском языке, совещанием были приняты и именно ими совещание руководствовалось при выборе соответствующей учебной литературы. Однако оказалось, что ни один из рассмотренных учебников на русском языке полностью не удовлетворял всем указанным требованиям. Поэтому совещание выразило мнение о необходимости составления и издания новых учебников, и это дело должно было взять на себя Земство.

Всего совещание рассмотрело шестьдесят три учебника, в том числе шесть «Азбук». В список учебников на русском языке, одобренных совещанием, вошло семь книг, в том числе известный букварь «Русская речь, чтение и письмо. Руководство для обучения русскому языку в инородческих школах» М.А. Тростникова, книга для чтения «Новая азбука» Л.Н. Толстого и «Грамматические упражнения для инородческих школ» И.В. Яковлева. Среди учебников на татарском языке были рекомендованы шестнадцать книг, среди которых четыре (букварь, книга для чтения, учебники по арифметике и географии) принадлежали перу М. Курбангалиева, по одной (по татарской грамматике) были написаны Г. Ибрагимовым и Ф. Сайфи. В числе рекомендованных к использованию в инородческих школах оказался и «Краткий учебник по географии с иллюстрациями» Закира Шакирова, изданный в Казани в 1914 году. Приведем несколько выдержек из выступления Галимджана Ибрагимова при обсуждении этого учебника: *«...Книга Закира Шакирова видится очень важной, ее содержательная сторона очень полная. Книга написана мас-*

терски и легка для усвоения. Первая ее часть посвящена географии России, а вторая – географии материков и государств, расположенных на них... Книга написана простым и доступным языком, богато иллюстрирована, чем выгодно отличается от других рассмотренных комиссией учебников и поэтому рекомендуется к использованию в младших классах инородческих школ».

Интерес к преподаванию географии сохранился у Закира Шакирова и в дальнейшем. Работая на курсах подготовки учителей начальных классов при Земской управе, молодой преподаватель подробно изучил вопросы экономики и природных условий Уфимской губернии, результатом чего стал выход в свет «Географии Уфимской губернии» (Уфа, 1917)³⁴. В том же году в альманахе, изданном Управой Уфимского губернского земства, вышел 60-страничный обзор Закира Шакирова под названием «Великое обновление русского государственного строя и общественной жизни». Его по-прежнему интересовали вопросы воспитания детей в семье, в частности, роль художественной литературы в этом деле. Новые мысли Закира Шакирова и дополнительные примеры из жизни дали ему возможность вернуться к одной из своих первых работ «Учитель, он же воспитатель (перевод на татарский язык из К.Д. Ушинского)», опубликованной еще в 1913 году в Казани в журнале «Эль Адеб» (Воспитание). Все это нашло отражение в небольшой книге «Воспитание детей у тюрко-татар», также изданной в Уфе в 1917 году. Кроме этого, работая в Земстве, Закир Шакиров занимался разработкой систематического каталога и библиографического указателя татарских книг по языкознанию, естествознанию и географии. Это было связано с начавшейся в России (впервые в мире!) регистрацией библиографических материалов. В «Автобиографии» Закир Шакиров указал, что перевел с русского языка на татарский книгу Б.С. Боднарского «О десятичной классификации книг»³⁵.

Важный этап в становлении Закира Шакирова как профессионального педагога был связан с его начавшейся осенью 1917 года работой на 3-годичных мусульманских педагогических курсах Уфимского губернского земства по подготовке учителей для русско-татарских и русско-башкирских школ. Интересна малоизвестная предыстория их создания, а ведь дата открытия этих курсов – 14 ноября 1916 года – вошла не только в летопись деятельности Уфимского губернского земства, но и как крупное завоевание земства в России вообще, всегда справедливо оберегавшего интересы всех народностей. Эти курсы представляли, по существу, первое в России мусульманское учебное заведение для подготовки учителей русско-татарских и русско-башкирских школ, признававшее права

гражданства за родным языком, верой, и отчасти, национальной культурой.

Шесть раз, начиная с 1889 года, Уфимское губернское земство возбуждало перед Министерством народного просвещения ходатайство об открытии в Уфе учебного заведения для подготовки преподавателей школ для инородцев, составлявших в то время свыше 60% всего населения губернии. Однако все они долгие годы не получали разрешения. Лишь последнее ходатайство, возбужденное в 1915 году, после длительных мытарств, по преимуществу в Оренбургском учебном округе, увенчалось успехом: губернскому земству было разрешено открыть с 1 июля 1916 года «Трехгодичные педагогические курсы для подготовки учителей для русско-татарских и русско-башкирских начальных училищ». Курсы открывались *«на точном основании и правилах от 1 июля 1915 года о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений»* [17]. В силу упомянутого выше закона, звание учителя присваивалось окончившим курсы только после того, как они выдерживали соответствующие испытания в специальной комиссии Учебного округа. Курсы находились в ведении попечителя Оренбургского учебного округа и содержались на средства Уфимского губернского земства. Их цель состояла в подготовке учителей-мусульман для преподавания в русско-татарских и русско-башкирских начальных училищах Уфимской губернии. Преподавание велось на русском языке, за исключением вероучения и «природного языка» учащихся.

В начале ноября 1916 года состоялись первые приемные испытания на курсы, руководство которыми было возложено на преподавателя Фельдшерско-акушерской школы Уфимского земства В.А. Кондакова³⁶. Всего было подано восемьдесят шесть прошений о приеме, среди которых десять поступило от девушек. Испытания состояли из письменных работ и устных собеседований по мусульманскому вероучению, татарскому и русскому языкам, арифметике и «родиноведению». Последнее включало в себя сведения из отечественной географии, истории и природы. Всего на I курс было принято 28 человек. По образованию: 3 человека мужского пола из высших начальных училищ, 4 – из медресе «Галия»³⁷, 11 – мужского пола и 6 женского – из двухклассных училищ, 3 мужского пола и 2 женского – из одноклассных училищ. По месту жительства: 2 – из Уфы, 24 – из Уфимской губернии, 2 – из других губерний. Занятия проводились в помещениях Фельдшерско-акушерской школы Уфимского губернского земства, расположенной в Уфе по ул.Приютской (ныне ул.Кирова), 35. Для курсантов был организован интернат;

фактически, все воспитанники получали на проживание ежемесячное пособие. Плата за обучение на курсах не взималась. Учащиеся, пользовавшиеся стипендией от Земства, были обязаны после окончания курсов прослужить на должности учителя не менее двух лет за каждый год пользования стипендией. В противном случае они были обязаны возратить Земству ту сумму, которую получили за время обучения на курсах.

Во главе управления курсами состояло педагогическое совещание, возглавляемое председателем Уфимской губернской управы П.Ф. Коропачинским. В работе курсов приняли участие представители лучших учебных заведений Уфы: В.А. Словохотов (выпускник Казанского университета), преподаватель русского языка правительственной мужской гимназии, С.М. Юрьев (выпускник Пермского университета), преподаватель геометрии Коммерческого училища, Т.С. Песков (окончивший Уфимский учительский институт), преподаватель Епархиального училища, П.А. Соколов (выпускник Петроградского университета), преподаватель физики и естествознания правительственной мужской гимназии, В.А. Ефремов (выпускник Харьковского университета), преподаватель истории правительственной мужской гимназии, В.А. Лебедев, преподаватель рисования и чистописания Уфимского учительского института. Кроме того, сам заведующий курсами В.А. Кондаков преподавал на них географию, Галимджан Ибрагимов (преподаватель медресе «Галия») и Н. Терегулов, заведующий инородческим подотделом народного образования Земства – татарский язык и литературу. Преподавателем мусульманского вероисповедания был Автах Асадуллин.

В основу преподавания на курсах были положены практические занятия: физика и химия – самостоятельная постановка элементарных опытов и демонстраций, ботаника – проведение экспериментов по морфологии и определение цветковых растений, география – работа с масштабом, вычерчивание карт и чтение их. На практических занятиях по истории воспитанники занимались чтением и разбором отрывков из произведений всеобщей и русской литературы, содержащих исторический материал. В конце 1916/1917 учебного года, когда наступавшие в стране события чрезвычайной исторической важности выдвинули в подготовке преподавателей на первый план социально-экономические вопросы, особое внимание было уделено обществоведению.

Анализ итогов первого учебного года, захватившего Февральскую революцию 1917 года, показал, что в основу работы педагогических курсов Уфимского земства был заложен верный и прочный фундамент для их последующей учебной деятельности. Эти курсы стали, фактически, новым типом национальной мусульманской об-

щеобразовательной и профессионально-педагогической школы, в которой был реализован метод преподавания трудовых начал. Чрезвычайно существенным оказался тот факт, что между учащими (учителями) и учащимися были созданы такие взаимоотношения, которые совершенно исключали всякую, даже теоретическую, возможность какого-либо недоверия между ними.

И тем не менее, 17 июля 1917 года на 55-й чрезвычайной сессии Уфимского губернского земского собрания [18] был поставлен вопрос о реорганизации педагогических курсов: преобразование их в правительственную 4-летнюю мусульманскую учительскую семинарию с отнесением всех дополнительных расходов по первоначальному оборудованию и содержанию сверх сумм государственно-го казначейства на средства Уфимского губернского земства³⁸.

При обсуждении итогов первого года существования трехгодичных педагогических курсов выявился и ряд недостатков при организации их работы. Самым существенным оказалась перегрузка уроками преподавателей курсов, основная учебная деятельность которых проходила в других учебных заведениях города. Некоторые из них не могли уделять воспитанникам курсов необходимое для такого типа обучения специальное внимание, в особенности при проведении внеучебной работы. Так, первоначально приглашенный и изъявивший согласие преподавать татарский язык и литературу Галимджан Ибрагимов во второй половине учебного года в связи с активным участием в событиях, предшествующих Февральской революции 1917 года, и последовавших за ними, фактически, оставил свое преподавание. Найти должного заместителя ему при крайне ограниченном составе образованных мусульман в Уфе в то время не удалось. Уход преподавателя среди учебного года был подвергнут резкому осуждению, признан совершенно недопустимым с точки зрения педагогической этики.

Именно с этим обстоятельством и было связано привлечение Закира Шакирова с сентября 1917 года к преподаванию на педагогических курсах татарского языка и литературы, продолжавшееся до июня 1919 года³⁹.

Еще летом 1917 года по инициативе Закира Шакирова⁴⁰ в Уфе для детей татарского и башкирского населения Губернское Земство организовало подготовительные курсы для поступающих в открывавшуюся осенью того же года специальную национальную гимназию. Окончившие эти курсы 35 человек составили основной контингент официально открывшейся 10 августа 1917 года «Татарской гимназии совместного обучения». Из-за произошедшей через два месяца Октябрьской революции и последовавшей после нее гражданской войны, когда Уфа неоднократно переходила от красных к

белым, и наоборот, о деятельности этой гимназии сохранились весьма скудные сведения. Известно лишь, что первоначальное количество учащихся в гимназии не превышало 40 человек, половина из них были детьми малоимущих граждан, и поэтому их обучение было бесплатным. Родители остальной части воспитанников гимназии вносили за обучение своих детей чисто символическую плату. Первым заведующим гимназией был уже упомянутый выше В.А. Кондаков, одновременно руководивший трехмесячными татарскими педагогическими курсами. Обучающаяся на этих курсах молодежь принимала активное участие в практической работе гимназии. Первоначально Национальная гимназия располагалась в здании по улице Александровской, 29 (ныне К. Маркса, 33), принадлежавшем известному уфимскому заводчику М.С. Ларионову. Затем учебные занятия стали проводиться в собственном доме купца Б. Назирова по улице Пушкинской, 68 (ныне Пушкина, 90, здание Уфимского НИИ глазных болезней), в зданиях мужской правительственной гимназии по улице Большой Ильинской (ныне Фрунзе), 49, и медресе «Усмания» по улице Фроловской (ныне Тукаева), 35/37.

В документе «Данные о прохождении службы Закира Шакирова» [19] и его «Трудовом списке» [20] значит, что с осени 1917 по лето 1919 годы он являлся *«преподавателем частной татарской Уфимской гимназии (родной язык и литература)»*. Закир Шакиров, по-видимому, сменил В.А. Кондакова на должности заведующего гимназией в июне 1919 года, когда после окончательного освобождения Уфы от белых большинство преподавателей (в их числе был и В.А. Кондаков) покинули с ними город. Во всяком случае, уже в начале 1919/1920 учебного года по документам Закир Шакиров числится заведующим сразу двух татаро-башкирских школ, образованных на основе бывшей Национальной гимназии: из старших групп учащихся была создана 4-ая школа II ступени, младшие группы были выделены в 16-ую школу I ступени⁴¹.

Через четверть века, в письме от 30 марта 1946 года, член-корреспондент АПН РСФСР Вадим Александрович Кондаков, вспоминая годы совместной с Закиром Шакировым работы, писал: *«... Когда приходишь в жизни к какому-нибудь знаменательному рубежу, невольно начинаешь подытоживать пройденный путь, перелистывать страницы прожитого и пережитого, отворачиваться от одного и, наоборот, иное вспоминаешь с удовольствием и удовлетворением... Перелистывая прошлое, я не мог не вспомнить Уфу, в которой началась моя общественно-политическая деятельность – интересная, творческая. Я многому научился и много хорошего сделал в Уфе. В числе хорошего: 1) организация и открытие первой в России Башкирской учительской семинарии*

Уфимского губернского земства [так автор письма называет трех-годовые татаро-башкирские педагогические курсы, прим. Ю.Е.]; 2) открытие первой в России татаро-башкирской гимназии. (Какое это было чудесное время, и как хорошо в учебно-воспитательном отношении поставленное учебное заведение!) Кроме этого: широкое участие во внешкольной просветительской деятельности внешкольного отдела губернского Земства... По тем временам все это были весьма прогрессивные начинания, поэтому трудные, рискованные, но и очень увлекательные. В связи с этим вспомнил старых уфимских друзей и, прежде всего, Вас, дорогой Закир Шакирович, с кем была связана моя жизнь и по внешкольному отделу Земства, и по работе в Башкирской учительской семинарии, и в татаро-башкирской гимназии.

Дорогой мой Закир Шакирович, коренной, заслуженно почтенный башкирин-уфимец, Вам и в Вашем лице башкирскому народу я сегодня передаю мою любовь, уважение, которые были двигателями моих искренних просветительских дел на заре моей общественно-педагогической деятельности»⁴².

---

5. Заведование Уфимским губернским музеем

«С ноября 1919 по октябрь 1921 года работал по совместительству заведующим Уфимским губернским музеем», – за этой короткой, но емкой фразой из «Автобиографии» скрыта та часть организаторской деятельности З.Ш. Шакирова, которая не только оставила заметный след в истории изучения Башкирского края, но и определила судьбу самого бывшего губернского музея, оказавшегося, по сути, разграбленным в годы гражданской войны, когда Уфа неоднократно переходила от красных к белым и наоборот.

Своим зарождением Уфимский губернский музей обязан секретарю – Н.А. Гурвичу⁴³ – и членам – К.А. Буху и А.Б. Иваницкому – Уфимского статистического комитета, которые на одном из общих собраний местной интеллигенции, составившей небольшое научное общество, периодически обсуждавшее доклады по истории, археологии и статистике местного края, выступили с предложением о создании музея. В этом они получили поддержку и содействие уфимского губернатора Г.С. Аксакова. Было решено, что музей станет постоянным местом выставок предметов деятельности человека, уникальных останков животных и растений, образцов одежды и предметов быта местного населения. 23 апреля 1864 года Городская дума приняла постановление об учреждении Губернского музея, и уже в сентябре того же года он был открыт, разместившись в одной из комнат мужской правительственной гимназии по улице Большой Ильинской (ныне Фрунзе), 49.

Музей быстро рос и уже осенью 1865 года принял участие в Русской этнографической выставке в Москве, где был удостоен почетного диплома. Через два года новый уфимский губернатор С.П. Ушаков, пользуясь случаем упразднения военной гауптвахты, передал ее здание на Верхне-Торговой площади для размещения в

нем экспонатов музея. Осенью 1870 года был перестроен первый этаж этого здания, в результате чего музей со складом коллекций приобрел свой собственный дом. Еще через год закончился ремонт и второго этажа, но до 1886 года он сдавался в наем для уплаты музеем долгов, связанных с реконструкцией здания.

Официальное открытие Губернского музея состоялось 10 июля 1886 года, на третий день юбилейных празднеств в честь 300-летия основания Уфы. К этому времени музей имел уже девять небольших, но самостоятельных отделов – горнозаводской, минералогический, соляной, археологический, палеонтологический, зоологический, ботанический, энтомологический и нумизматический.

20 марта 1888 года «открыл свои действия» Комитет Губернского музея, в Уставе которого говорилось о том, что он имеет статус Научного общества. Однако в дальнейшем жизнь музея до 1917 года ничем особым ознаменована не была. Средства, которыми он обладал, были ничтожными, и доходов от посещения музея едва хватало для покрытия самых насущных расходов. Особенно трудно стало жить музею после того, как в 1914 году умер Н.А. Гурвич, а Комитет, имея председателем губернатора, фактически прекратил свою работу и ничем не проявил себя до февральско-мартовских событий 1917 года.

В конце марта 1917 года, в пору общественного и революционного подъема, при музее образовался кружок из тридцати энтузиастов, любящих естествознание, археологию и сам музей. Было выбрано новое правление Комитета музея, начавшее его перестройку. Сожгли некоторые побитые молью и пришедшие в негодность экспонаты зоологического отдела, ликвидировали прогнившие и за прошедшие 26 лет со дня открытия музея никем не осматриваемые экспонаты сельскохозяйственного отдела, вновь пересмотрели и пополнили свежими находками археологический отдел. Только ботанический отдел, заключавший в себя драгоценный гербарий, переданный музею известным исследователем Башкирского края М.В. Лосиевским и приведенный в порядок пленным немецким профессором И.И. Подпере, да нумизматический отдел музея находились в относительно удовлетворительном состоянии. Новый Комитет музея возобновил прослушивание научных докладов и сообщений, к работе была привлечена молодежь, что сразу же дало музею пополнение новыми материалами.

В Уфе переход власти к Советам в октябре 1917 года произошел быстро и относительно спокойно. В этом большевики опирались на поддержку других социалистов, в частности, левых эсеров, которые вместе с ними вошли в созданный в первые дни после свершившейся революции Губернский революционный комитет.

Однако одновременно с Губревкомом некоторое время параллельно продолжала существование и сеть земских учреждений. По-прежнему действовала и Уфимская городская дума, в ведении которой в то время находился Губернский музей.

22 декабря 1917 года по инициативе А.А. Черданцева⁴⁴, заведующего одной из уфимских аптек, деятельного активиста в делах Губернского музея, состоялось собрание, в работе которого приняли участие около 20 представителей интеллигенции города, большинство из которых были преподавателями различных уфимских учебных заведений. Назовем лишь некоторых из них: К.П. Краузе (2-ая Уфимская женская гимназия), П.П. Киснемский (Уфимский учительский институт), В.А. Ефремов (Уфимская мужская правительственная гимназия), А.К. Носков (Коммерческое училище), В.А. Кондаков (Фельдшерско-акушерская школа) и другие. Было решено создать общественный Комитет Уфимского губернского музея, разработать его Устав, и уже через неделю (31 декабря 1917 года) на заседании общего собрания членов Комитета музея его председателем был избран А.А. Черданцев.

Это было непростое время начала открытого противостояния между только что образованным большевистско-эсеровским Губревкомом и служащими государственных и общественных организаций. Последние в подавляющем большинстве не приняли новую власть, стали ею преследоваться и в знак протеста в конце декабря 1917 года объявили забастовку, на что Губревком тотчас же ответил репрессиями. Одним из первых был закрыт Крестьянский банк, реквизировано все его имущество, за ним последовали Государственный банк и ряд старых правительственных учреждений. В частные банки, на почту, телеграф, казначейскую и казенные палаты были назначены комиссары. Служащие этих учреждений объявили забастовку.

20 декабря 1917 года, в знак протеста против вмешательства Губревкома в дела учебных заведений, попытки пересмотреть управление школьным делом в соответствии с Декретом только что созданного Наркомпроса РСФСР, началась забастовка и уфимских учителей. По размаху и последствиям, по численности участников и продолжительности проведения она не имела прецедента в России. Согласно декрету, подписанному А.В. Луначарским, все управление учебными заведениями сосредоточивалось в руках государственных советов по народному образованию, которые должны были «*в политическом отношении контролироваться совдепами и согласовывать с ними свою деятельность*». Непосредственным поводом к началу забастовки учителей в Уфе стало взятие под домашний арест попечителя Оренбургского учебного округа В.А. Гордлевского⁴⁵, назначенного на эту должность Временным правительством

в конце марта 1917 года. Забастовку учителей в лице городского головы В.П. Гиневского поддержала Городская дума, единственное оставшееся к этому времени в Уфе учреждение «старого типа». Однако уже 18 января распоряжением Губревкома Городская дума была упразднена, а вместо нее для управления хозяйственными делами создана Городская коммуна, состоявшая из десяти комиссаров.

В тот же день один из новоиспеченных комиссаров прибыл в Губернский музей и объявил о передаче его в ведение Городской коммуны, после чего хранитель фондов и сторож из музея были просто выгнаны, а на охрану музея выставлены вооруженные люди. Однако сохранности фондов музея это не помогло: началось расхищение его ценных экспонатов, и поэтому интеллигенция Уфы в лице общественного Комитета губернского музея написала гневное обращение в Коммуну, назвав ее действия *«наверное, единственным подобного рода случаем в истории»*.

27 мая 1918 года власти ликвидировали еще одно «старое учреждение» – Губернский статистический комитет, со всеми его делами, в том числе и теми, которые относились к деятельности музея. В Национальном музее Республики Башкортостан сохранился акт о сдаче-приемке этих документов, подписанный председателем Комитета музея А.А. Черданцевым, казначеем Д.И. Татариновым⁴⁶ и комиссаром по ликвидации губернских присутственных мест В.Н. Архангельским.

Однако, несмотря на сложную социально-политическую неустойчивость в общественной жизни того времени, болезни, голод и нищету, Уфимский губернский музей продолжал существовать. Удавалось решать не только сиюминутные хозяйственные дела, но даже строить планы на будущее. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что с января по июль 1918 года Комитет музея собирался 16 раз, заслушивал научные доклады по изучению родного края и даже пополнил число своих активистов: в качестве коллективных членов были приняты Уфимское общество врачей-естествоиспытателей и кружок юных любителей естествознания.

В конце мая 1918 года против большевиков выступил сформированный из военнопленных чехословацкий корпус, получивший разрешение выехать во Францию через Сибирь и Дальний Восток. Уже в начале июня того же года Уфимская губерния оказалась на военном положении. С 4 июня 1918 года Советы в Уфе были ликвидированы, а власть перешла в руки Временного комитета вновь воссозданной Уфимской городской думы, однако и этот Комитет в конце месяца был упразднен. Управлением города, как и всей Уфимской губернией, стал ведать Комитет уполномоченных представителей Учредительного собрания (Комуч) – антибольшевист-

ское правительство, созданное в Самаре бывшими членами Учредительного собрания, до мая 1918 года находившееся на нелегальном положении. В начале сентября того же года в Уфе было созвано Государственное собрание, которое передало власть Всероссийскому Временному правительству (Уфимской директории), однако уже в ноябре 1918 года Директория бежала из Уфы в Омск, а военный комиссар Всероссийского Временного правительства А.В. Колчак объявил себя Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами.

Во второй половине 1918 года, когда в Уфимской губернии у власти находились небольшевицкие правительства, в музей попало немало документов об их деятельности. Многие из них сохранились до сих пор в фондах Национального музея Республики Башкортостан и позволяют проследить за всеми этапами той сложной и неоднозначной политической ситуации, которая имела место в то время в Башкирии. Следует сказать, что все из вышеназванных антибольшевицких правительств с различными политическими ориентациями (от сугубо региональных до общероссийских претензий) в какой-то степени по-своему помогали музею, во всяком случае, не препятствовали продолжению его работы. Так, например, в июне 1918 года в материальном отношении музей был поддержан Временным комитетом Уфимской городской думы в лице председателя областного правительства В.П. Гиневского. В ноябре того же года существовавшие в то время власти дважды выделяли музею пособия на содержание помещения и штатных сотрудников (хранителя музея и сторожа); была удовлетворена просьба музея о передаче в его фонды для сохранения различных материалов (листовок, воззваний, плакатов).

30 декабря 1918 года Уфа снова перешла в руки красных, а Уфимский Губревком, председателем которого стал Б.Н. Нимвицкий, взял на себя всю полноту власти. Все предприятия и учреждения были объявлены собственностью Советской власти. 8 марта 1919 года при Уфимском городском отделе народного образования (ГубОНО) была создана Комиссия по вооруженной охране памятников старины, искусств и природы. Уже на следующий день А.А. Черданцев провел заседание правления Комитета губернского музея, на котором было сообщено о его включении в сеть советских учреждений. Однако начавшееся несколькими днями раньше весеннее наступление колчаковцев внезапно получило благоприятное для них развитие и 13 марта 1919 года белые снова заняли Уфу. 19 марта колчаковцы захватили Бирск, 4 апреля – Стерлитамак, а 2 апреля – Белебей. Колчаковское командование хорошо понимало стратегическую важность Уфы, называя ее «ключом к Среднему

Уралу». Несмотря на это, город ему удержать не удалось. И уже вечером 9 июня 1919 года 25 Чапаевская дивизия вошла в Уфу. Днем раньше был освобожден Бирск.

После окончательного освобождения Уфы от колчаковцев, уже в середине июня 1919 года, при Уфимском ГубОНО была создана секция музеев⁴⁷ Уфимской губернии. В ее состав вошла образованная ранее, но не успевшая начать работу упомянутая выше Комиссия по охране памятников старины, искусств и природы. Секция состояла из заведующего (он же инструктор по собиранию и охране памятников) и инструктора по организации музеев (он же заведующий уездными музеями).

1 августа 1918 года в качестве губернского инструктора З.Ш. Шакиров побывал в Мензелинском отделе народного образования, организовал при нем местную секцию по делам охраны памятников искусств и старины. Председателем секции стала Н.Г. Катыш, преподавательница бывшей Мензелинской гимназии. Уже через полтора месяца (13 сентября 1919 года) в Уфу был препровожден отчет, сохранившийся до сих пор в фондах Национального музея РБ. Из него следует, что ранее существовавший в Мензелинске небольшой педагогический музей уже был преобразован в музей Мензелинского края, переведен в специальное здание, в котором предполагалось собрать все, что связано с бытом и занятиями местного населения и окружающей природой.

В конце лета 1919 года З.Ш. Шакиров побывал также в селе Слак-Баш (станция Глуховская Самаро-Златоустовской железной дороги), где открылось «Общество изучения местного края и охраны памятников искусств и старины». Был разработан Устав этого общества, имевшего своей задачей *«всестороннее изучение прилегающей с Слак-Башу местности в естественно-историческом, этнографическом и археологическом отношениях»*. Решено было также организовать небольшой местный музей, заполнить его научными коллекциями, читать в музее лекции, поддерживать связь с музеями в Белебее и Уфе.

Уфимский губернский музей, находившийся теперь в ведении ГубОНО, в своих экспозиционных залах продолжал обслуживать широкие слои населения. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что только с 7 сентября до конца 1919 года музей посетили 11 296 человек.

Однако в ГубОНО было немало и сторонников передать часть экспозиций музея другим организациям и учреждениям. В частности, было решено отдать зоологическую, ботаническую, геологическую и палеонтологическую коллекции музея образованному в самом конце 1919 года из Уфимского учительского института Институ-

ту народного образования. На основе оставшихся экспозиций Губернского музея предполагалось создать новый Историко-социальный музей Народов Востока.

В начале октября 1919 года был создан Комитет по организации Историко-социального музея Народов Востока, в который вошли Ш. Сюнчелей (от ГубОНО), Х.Г. Гисматуллин (от РКП(б)), П.Г. Кудояров (от отдела по татаро-башкирским делам при Губревкоме), Г. Сулемайни (от Духовного ведомства для передачи дел и имущества) и З.Ш. Шакиров (как «сведущее лицо»). Были решены вопросы о выборе заведующего музеем (им стал З.Ш. Шакиров), о приглашении работать в музее сотрудников и специалистов (Г. Вильданова⁴⁸ для временного исполнения обязанностей хранителя музея, художника К. Девлеткильдеева⁴⁹ и библиотекаря Г. Алпарова⁵⁰) и о средствах музея.

Музей народов Востока было решено разместить в девяти комнатах здания бывшей гостиницы «Метрополь» по улице Зенцова (ныне Ленина), 10. Для того чтобы как-то «узаконить» имевшее место расхищение экспозиций бывшего Губернского музея, фактически ни разу не инвентаризированных с 1864 года и сильно разграбленных в годы гражданской войны, было решено считать музей ликвидированным, а оставшиеся экспонаты по актам и описям передавать постепенно новому музею. И тем не менее, экспозиционные залы бывшего Уфимского губернского музея продолжали принимать своих посетителей до конца апреля 1920 года.

В течение 1920 года сотрудники вновь создаваемого музея Народов Востока (сначала их было всего два: З.Ш. Шакиров – заведующий и хранитель фондов, Г.Ф. Вильданов – научный сотрудник) тщательно разбирали фонды бывшего Губернского музея и по актам выносили из его помещений те экспонаты, которые считали необходимыми для создания нового музея. По сохранившимся до сих пор актам видно, что для музея Народов Востока всего было отобрано 2 497 экспонатов, которые хранились в одной из комнат Башнаркомпроса по улице Зенцова, 10. Постепенно начало увеличиваться и число сотрудников музея. В мае 1920 года в музее Народов Востока уже работали шесть человек: З.Ш. Шакиров (хранитель музея), Г.Ф. Вильданов (сотрудник), А.К. Черданцева (библиотекарь по западной литературе), А.Ф. Тупеев (библиотекарь по восточной литературе), К.Ш. Шакиров (делопроизводитель), Е.А. Шерстобитова (сторож).

Летом 1920 года музей Народов Востока для пополнения своих экспонатов организовал этнографическую экспедицию в Туркестан в составе трех человек. В экспедиции приняли участие художники Георгий Гейфель, Александр Тюлькин и этнограф Николай Колесницкий. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что

только на подготовительные работы и закупку необходимого оборудования и вещей ГубОНО выделил 40 тысяч рублей, а на саму экспедицию 425 тысяч рублей, что в то время представляло довольно внушительные суммы. От Уфы до Ташкента и Самарканда экспедиция следовала железнодорожным транспортом, а внутри Туркестана перемещалась на перекладных повозках. За время экспедиции (июнь–сентябрь 1920 года) только один художник Г. Гейфель выполнил несколько десятков графических набросков природы Туркестана, а также сделал много зарисовок, характеризующих быт и этнографию местного населения. Многие из этих экспонатов можно увидеть и сегодня в залах Национального музея РБ. Однако трудности в ремонтных и экспозиционных работах из-за отсутствия необходимых средств сильно затягивали открытие музея Народов Востока. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся в фондах Национального музея РБ копия письма З.Ш. Шакирова, направленного в адрес Уфимского ГубОНО 4 марта 1920 года. В нем говорилось: *«Историко-социальный музей Народов Востока настоящим доводит до сведения Губотнаробра, что ввиду неподготовленности музея к открытию вследствие затягивания регистрации, классификации и детальной проверки всех имеющихся экспонатов [в настоящее время] открыт быть не может. Просим на основании этого разрешений на посещение музея пока не выдавать. Заведующий музеем З.Ш. Шакиров».*

Одновременно с этим З.Ш. Шакиров продолжал во всех инстанциях настаивать на том, чтобы в музей была возвращена хотя бы часть переданных ранее Уфимскому институту народного образования экспонатов, так как без них Башкирский край в новом музее был представлен недостаточно полно. Определенный ущерб музею Народов Востока нанесло принятое еще во второй половине 1919 года решение об открытии Уфимского художественного пролетарского музея Октябрьской революции. Основой коллекции этого музея стало собрание картин художника М.В. Нестерова, уроженца Уфы, преподнесенное им городу еще в 1913 году (101 произведение: 30 работ дарителя, остальное – картины И. Левитана, А. Саврасова, Н. Репина, И. Шишкина, К. Коровина, М. Врубеля, А. Головина и других художников). Художественный музей открылся 5 января 1920 года, для расширения его экспозиций из бывшего Губернского музея и еще не созданного музея Народов Востока волевым распоряжением было передано свыше 1000 картин, гравюр, старинных икон, а также коллекция русского, европейского и восточного фарфора.

В феврале 1921 года в Москве Центральной комиссией по делам музеев был рассмотрен вопрос «Об Уфимском историко-

социальном музее Народов Востока». Было вынесено постановление о том, что ему снова целесообразно придать краевой характер и переименовать в «Музей Южного Приуралья», возвратив переданные ранее в другие организации коллекции, в том числе зоологическую, ботаническую и минералогическую.

С целью пополнения экспонатов музея Южного Приуралья З.Ш. Шакиров добился, что летом 1921 года, несмотря на все сложные условия того времени (голод и эпидемия в Поволжье, в том числе и в Башкирии) состоялись две новые экспедиции. Первую из них (этнографическую) с 10 июня по 1 августа 1921 года провел сотрудник музея Н.Н. Колесницкий. Используя конные перекладные повозки, он проехал маршрутом Уфа–Миасс–Златоуст–Уфа. Другой сотрудник музея, М.И. Касьянов, с 10 июня по 1 сентября того же года провел археографическую экспедицию в Уфимском, Бирском, Златоустовском, Верхне-Уфимском и Троицком кантонах.

4 ноября 1921 года состоялось пробное открытие музея Южного Приуралья (заведующий музеем – З.Ш. Шакиров). Музей состоял всего из двух комнат и фондохранилища. До декабря того же года его посетили 962 человека⁵¹.

---

6. Участие в научных экспедициях

В начале 1928 года Комитет экспедиционных исследований Академии наук СССР с целью изучения хозяйственной и культурной жизни Башкирии разработал план ее научного обследования. Средства на это выделила сама Башкирская республика. Уже летом того же года под общим руководством профессора С.И. Руденко⁵², автора двух фундаментальных монографий о башкирах, вышедших в 1916 и 1925 годах и ставших эталонами научных этнографических исследований, начались комплексные исследования производительных сил Башкирии: антропологические, зоологические, ихтиологические, геологические, почвенные, геоботанические, геоморфологические, гидрогеологические и климатические.

Антропологический отряд под личным руководством С.И. Руденко в начале лета 1928 года работал четырьмя подотрядами, в деятельности которых приняли участие семнадцать научных сотрудников из Ленинграда и шесть местных исследователей, в их числе был и З.Ш. Шакиров.

Лингво-фольклорный подотряд работал под начальством молодого, но уже в то время выдающегося языковеда, филолога-тюрколога Н.К. Дмитриева⁵³ [21] в составе трех научных экспедиций, исходным пунктом которых стал город Белорецк. Усмангалинской и Тирлянской группами, прошедшими по маршрутам Белорецк–Тукан–Усмангали и Белорецк–Тирлян–Миасс, руководил сам Н.К. Дмитриев. В составе третьей (Серменевской) группы, прошедшей по линии Белорецк–Серменево–Инзер, которую непосредственно возглавила ученица Н.К. Дмитриева – О.И. Щацкая, научный сотрудник Ленинградского университета, были местные работники З.Ш. Шакиров и М.М. Билялов, а также прикомандированные Башнаркомпросом

Г.Я. Давлетшин и С. Мрясов. В отчете подотряда [22, 23], отмечалось, что особо весомым вкладом в обогащение башкирского словарного материала, собранного группой, внесли З.Ш. Шакиров и М.М. Билялов, персонально отвечавшие за подбор словаря по определенным центрам, – анкетам, специально разработанным для этого Н.К. Дмитриевым.

Из воспоминаний З.Ш. Шакирова: «В связи с тем, что в области экспедиционных работ тюркологи значительно отставали от своих коллег по другим специальностям, профессор Н.К. Дмитриев предложил новую методику экспедиционных исследований, сущность которой сводилось к тому, чтобы применить к тюркскому (в частности, к башкирскому) материалу все те достижения, которые были получены русскими и западноевропейскими диалектологами и прочно вошли в их повседневную практику. Этот перевод тюркской диалектологии на новые (современные) требования потребовал разработки новых специальных программ, схем и методических указаний ...»

Таким образом, в центре языковой работы подотряда стояла диалектология, причем все местные, территориальные разновидности и диалекты башкирского языка изучались с использованием специально составленной для этого Н.К. Дмитриевым лингвистической анкеты. Что касается фольклорных записей, то они также велись фонетически, для того чтобы иметь и лингвистическое значение. Сознвая, что за короткий срок экспедиции всем богатством фольклора башкир овладеть невозможно, подотряд сознательно остановился на сборе только одного фольклорного жанра – «йыров», каковых за всю экспедицию удалось записать около восьмисот. Попутно были записаны и некоторые исторические песни (в том числе о Салавате, Буранбае, Мустафе-мулле и других) на том основании, что с фольклорной стороны все они представляли собой не что иное, как комбинацию уже упомянутых выше «йыров». В некоторых своих изысканиях подотряд соприкоснулся и непосредственно с этнографией: это было собирание тамг, родословных сказаний; записи легенд о слившихся с башкирами представителях других национальностей (татар, калмыков, казах-киргизов). Разыскивая документальные исторические подтверждения всем этим фактам, а также желая найти исторические материалы по башкирскому языку, подотряд изучал архивы мечетей и сохранившиеся рукописные собрания немногих частных лиц.

Участие З.Ш. Шакирова в работе подотряда Н.К. Дмитриева, получившего систематические материалы по языку и фольклору, относящиеся к территории инзер- и махмуд-катайцев, не только

привело к их хорошему знакомству и тесному сотрудничеству, но и переросло в дальнейшем в крепкую многолетнюю дружбу.

Из воспоминаний З.Ш. Шакирова: «... Впервые я встретился с этим удивительным ученым, блестящим знатоком тюркских языков в Уфе в 1928 году. Я пригласил его к себе домой. За семейным столом угостил башкирскими кушаньями: бишбармаком, бавырсаком (-ама), домашним напитком (бузой). Московский ученый подробно записывал в своем блокноте все интересующие его сведения о национальных блюдах, одежде и обрядах башкир. Его удивили мои познания в области восточной литературы и тюркских языках, полученные в Казани в «Мухаммадии».

Эта встреча послужила началом нашей большой дружбы, которая длилась много лет и прервалась только в связи с его кончиной. В 1928–1929 годах мне пришлось участвовать в комплексных экспедициях, организованных Академией наук СССР по изучению Башкирии, разговорного языка и фольклора башкир. Руководителем экспедиции в Баймакском и Абзелиловском районах был Н.К. Дмитриев. В селах и деревнях мы встречались со знатоками башкирского фольклора, певцами и сказителями. Н.К. Дмитриев очень внимательно их слушал и все образцы народного творчества (песни, сказки, предания старины) бережно записывал.

Особое внимание Н.К. Дмитриев обращал на изучение народных обычаев башкир. При этом он с глубоким уважением воспринимал все национальные обычаи и, будучи в башкирской среде, сам старался им следовать. Так, он всегда первый здоровался с местными жителями, подавая не одну, а две руки с соединенными замком ладонями, как требовал того местный обычай. При появлении стариков он тут же вставал, внимательно, не прерывая, слушал их речь и только после этого задавал интересующие его вопросы.

Позже Н.К. Дмитриев с особым благоговением вспоминал, как он был в гостях в башкирских деревнях, где его особенно восхищало обряд омования рук в теплой воде, чистейшие полотенца, подаваемые гостям, обеденная скатерть, постеленная на полу, за которой он сидел на корточках вместе с хозяевами. Его угощали традиционным мясом, которое обмакивалось в соль. Ночами он просиживал с мудрыми старцами, старожилками башкирских деревень, бережно записывал особенности местного диалекта речи...»

Запланированное на начало лета 1929 года продолжение лингво-фольклористического исследования Тамьян-Катайского кантона в рамках Башкирской экспедиции АН СССР из-за отсутствия в тот момент финансирования было отложено на неопределенное время.

Тогда З.Ш. Шакиров, получив от Общества по изучению Башкирии небольшие средства, по согласованию с С.И. Руденко и Н.К. Дмитриевым, вдвоем со студентом только что созданного Башкирского государственного педагогического института Б.А. Альметовым, приглашенным в качестве практиканта, совершил вторую экспедицию по изучению говоров и фольклора населения Карабольской, Буракской и Кунашакской волостей Аргаяшского кантона. Руководствуясь лингвистической анкетой, составленной Н.К. Дмитриевым, исследователи подробно зафиксировали и записали отдельные слова местных жителей, их произношение, выясняя при этом фонетические, морфологические и лексические особенности говоров. При этом удалось охватить довольно большое количество населенных пунктов. В отличие от экспедиции предыдущего года, критерием для сравнения башкирских говоров брался башкирский, а не татарский язык. Кроме отдельных слов и фраз записывались также и рассказы из быта башкир данной местности и деревни (об охоте, рыбной ловле, уборке хлебов и др.). Особое внимание было уделено башкирскому эпосу: записывались башкирские сказки, легенды, былины, исторические песни, пословицы, загадки и обрядовые песни.

Полученные материалы под названием «Краткий отчет отряда, посланного летом 1929 года Обществом по изучению Башкирии для наблюдения над языком и фольклором в Аргаяшском кантоне» З.Ш. Шакиров опубликовал на башкирском языке в №2 журнала «Белем» (Знание) за 1930 год [24] и под названием «Краткий отчет по изучению говоров и фольклора Аргаяшского кантона летом 1929 года» на русском языке в двух сдвоенных номерах «Краеведческого сборника» [25].

Следующая экспедиция по зауральской глубинке Башкирии, проведенная с целью дальнейшего изучения живой речи, диалектов и фольклора местного башкирского населения, в которой З.Ш. Шакиров принял участие как сотрудник Башкирского комплексного НИИ⁵⁴, охватила территорию нынешнего Баймакского и Абзелюловского районов Республики Башкортостан. Экспедиционный отряд под руководством самого Н.К. Дмитриева плодотворно работал на границах с Учалинским и Белорецким районами, а З.Ш. Шакиров возглавил ту его группу, которая направилась в сторону Аргаяша, Коншака и Ялан-Катая [26].

Из воспоминаний З.Ш. Шакирова: «Особенно теплой была наша встреча с блестящим сказителем и певцом Абдрахманом Узебаевым в деревне Туктагол Баймакского района...»

Именно здесь Н.Д. Дмитриеву и З.Ш. Шакирову удалось записать на фонограф мелодии кураистов «Белая черемуха», «У подножия горы», «Ирендык», «Тоямяс», «Баяс», «Сакмар», а также много

легенд. Абдрахман Узебаев, в частности, рассказал ученым о том, что еще в 1894 году в деревню Кусимово, где он тогда проживал, приезжал известный русский исследователь башкирского музыкального фольклора С.Г. Рыбаков, впервые описавший через год в «Русской музыкальной газете» башкирский курай (с приложением шести исполненных Узебаевым, как кураистом, мелодий). В деревне Гамир Аргаяшского кантона З.Ш. Шакиров встретился с одним из родственников Габдуллы Тукая и записал его интересные воспоминания о деде поэта по материнской линии – Зинатулле [27].

Участвуя в экспедициях, З.Ш. Шакиров интересовался не только вопросами языкознания и народного творчества, в ряде случаев ему удавалось обнаружить интересный материал. Так, в одной из рукописей, написанной незадолго до смерти и хранящейся в настоящее время в Научном архиве УНЦ РАН [27], он рассказал о своей находке небольшого стихотворения классика башкирской поэзии, поэта-просветителя XIX века Мифтахетдина Камалетдинова (более известного сейчас под именем Акмуллы), в котором тот обратился к своему народу с призывом стать людьми образованными и просвещенными. Приведем подстрочный перевод этого небольшого стихотворения Акмуллы⁵⁵:

*Башкиры мои, учиться нужно, учиться нужно!
Среди нас неучей много, образованных мало.
Как боимся глупого медведя на Урале,
Так нужно бояться невежества, братья мои!*

*Обрати внимание: в ученье благородство и почет,
От злобы и невежества много бед идет.
Образованным в воздухе летать, в воде плавать,
И нет в том святости и чуда.*

*Образованному в этом мире высокий путь,
Многое из недоступного станет законным.
Захочешь открыть родник счастья и блага,
Наука и ремесла станут единственным средством.*

*Оттого, что к шести прибавить единицу, цифра не станет
десятью,
Стрелки часов передвинув вперед, ночь в день не превратишь.*

*Знание – батыр, оно сильнее льва,
Его не оседлав, сон в явь не обратишь.*

Из воспоминаний З.Ш. Шакирова: «Это стихотворение я списал из одной древней книги в 1931 году в деревне Гаит Ялан-Катайского района Курганской области. Из-за того, что не было первых страниц, я не смог выяснить, какая это книга. Мне сказали, что стихотворение Акмуллы на последнюю, чистую, страницу вписал один учитель башкирского языка, приехавший в 1926 году на летние каникулы из Белорецкого района...»

Данное стихотворение Акмуллы уже давно стало хрестоматийным, оно вошло в антологию башкирской поэзии, учебники, переведено на ряд языков. Существует несколько вариантов его перевода на русский язык, один из лучших принадлежит Марселю Гафурову. Башкирский композитор Хусаин Ахметов написал на слова этого текста песню для хора «Башкиры мои, ученье нужно!». Однако с течением времени все реже и реже упоминается, а в последних переизданиях произведений Акмуллы вообще исчезло и стало неизвестным читателю имя Закира Шакирова, сделавшего этот страстный призыв к просвещению достоянием каждого, интересующегося творчеством поэта-просветителя Акмуллы, считавшего невежество корнем зла и источником всего морально-безобразного в башкирском обществе того времени.

З.Ш. Шакиров интересовался жизнью и деятельностью и другого башкирского поэта-просветителя, первого исследователя-краеведа из башкир Мухаметсалима Уметбаева. В № 9 журнала «Октябрь» за 1947 год он опубликовал его подробную биографию, а в 1964 году в уже упомянутых «Воспоминаниях» рассказал, как, со слов другого известного башкирского писателя-просветителя, ученого-востоковеда и религиозного деятеля Ризы Фахретдинова, он узнал о встрече М. Уметбаева с Акмуллой, которая состоялась в Духовном управлении мусульман в Уфе в присутствии муфтия Мухамедьяра Султанова.

---

7. Участие в создании учебников башкирского языка и башкирской терминологии

В дореволюционной России башкирский язык нигде и никогда не преподавался. Немногие башкиры, попавшие в мусульманские школы, обучались в них, по существу, на старотюркском языке. При этом им всячески внушалось, что никакого башкирского языка вообще не существует, что башкирский язык – это не язык, а только испорченный диалект татарского, на нем говорит лишь отсталая часть населения, а писать вообще невозможно. Поэтому писали только на татарском языке, на котором и строилось преподавание во всех мусульманских мектебах и медресе [28].

Не изменил это положение и широко распространившийся после 1905 года «новый метод» преподавания (усул-и-джадид). Башкиры, окончившие мусульманские школы указанных выше типов, фактически, как бы «пропадали» для башкирского языка, поскольку после завершения обучения начинали изъясняться либо на «образованном» татарском языке, либо на его утонченном варианте – тюрки, признанном после присоединения Башкирии к России официальным письменным языком. Именно этот старотюркский язык, сильно насыщенный арабизмами, служил для составления шежере, фарманов, обращений, манифестов и различной эпистолярной литературы. Указанное правило распространилось даже на башкирских писателей, которые в начале своего творческого пути обычно создавали свои произведения именно на татарском языке и только после Октябрьской революции получили возможность писать на родном, башкирском языке. Естественно, что если башкирский язык не преподавался, то не было и башкирской грамматики, а при отсутствии учебников не могло быть и речи о каких-то нормах для башкирской грамматической терминологии.

Положение коренным образом изменилось в самом начале 20-х годов XX века, когда был определен юридический статус башкирского языка как государственного. Поэтому только с этого времени ведут свое начало учебники башкирского языка, в которых и появились самые первые образцы башкирской грамматической терминологии. Однако работа в указанном направлении в значительной степени тормозилась из-за фактического отсутствия языковедческих кадров и, главным образом, из-за почти полной неизученности башкирского языка с научной точки зрения. Именно в исследованиях башкирской грамматики и подготовке национальных кадров важную роль сыграл Н.К. Дмитриев, ставший первопроходцем в научном изучении башкирского языка.

Анализируя состояние башкирского языка в дооктябрьский период и отмечая, что совершенно неизвестными были даже географические границы между башкирским и татарским языками, Н.К. Дмитриев смог выделить, по его образному выражению, всего лишь несколько «небольших крупинок» по башкирскому языкознанию и филологии. Это были исследования профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова по изучению западных башкирских диалектов, работы педагога-просвещенца В.В. Катаринского, составившего на рубеже XIX–XX веков «Букварь для башкир» (1892), «Краткий русско-башкирский словарь» (1898) и «Башкирско-русский словарь» (1899), а также народного учителя А.С. Бессонова, языковеда и этнографа, одного из первых собирателей башкирских сказок, составителя «Букваря для башкир» (1907).

Современный литературный башкирский язык начал формироваться в 20–30-е годы XX века на базе двух ведущих территориальных диалектов: «куваканского», присущего юго-восточной части Башкирии, и «юрматынского», свойственного северо-западной ее части. При этом первый сначала считался наиболее «чистым», специфически башкирским диалектом, а второй, судя по отдельным фонетическим и морфологическим признакам, приближался к татарскому языку.

Первоначально была принята ориентация на «куваканский» диалект, как полярно противоположный татарскому языку. Заложенный в нем принцип «пиши, как слышится», вред которого поняли позднее, подкупал на первых порах тем, что если считать, что специфика языка и его ценность проявляются именно в фонетике, то именно этот диалект был самым «богатым» из башкирских диалектов. Однако скоро поняли, что такая точка зрения не могла укрепиться не только потому, что она была построена на ложном основании, но и в силу чисто практического положения вещей. Дело в том, что среди немногочисленных в то время языковедов в Башки-

рии (учителя, журналисты, писатели), фактически, преобладали «юрматынцы»: большинство из них прошли обучение в татарских школах и сами они говорили на языке, близком к татарскому. «Куваканцев» среди имевшихся в то время в Башкирии языковых кадров были единицы, и свои позиции отстаивать они явно не могли. Язык их многим казался «провинциальным» и даже искусственным, во всяком случае, на большей части территории тогдашней Башкирии преобладал не «куваканский» диалект. Поэтому в дальнейшем в основу литературного башкирского языка было положено соединение отдельных элементов обоих ведущих диалектов, а мелкие, «узкоплеменные» их черты были, естественно, отброшены. Башкирская орфография постепенно твердо становилась на путь фонетико-морфологической системы и вопрос стоял лишь о вкладе каждого из этих элементов в процесс построения орфографии.

«Период голого фонетизма» продолжался еще некоторое время, вплоть до латинизации башкирского языка, происшедшей только в конце 20-х годов XX века⁵⁶. Именно поэтому в учебниках башкирского языка, появившихся сразу после первой реформы башкирского языка 1924 года, было еще заметно влияние арабской грамматической схемы, выражавшей схоластические принципы школьной традиции мусульмано-татарских школ. Это сказывалось как на содержании учебников того времени, так и в терминологии того этапа развития башкирского языка. Однако довольно скоро бросились в другую крайность, заключающуюся в замене арабской терминологии архаичными или нарочито придуманными башкирскими словами, имевшими еще более узкую сферу обращения, чем арабские термины. Их, по крайней мере, знали окончившие старую мусульманскую школу, а наспех придуманных неологизмов не знал никто, кроме их непосредственных изобретателей.

Только постепенно удалось освободиться от всех указанных выше болезненных явлений, и башкирская грамматическая терминология пошла по пути унифицирования. Однако дальнейшее ее развитие сдерживалось тем, что школьная грамматика башкирского языка явно нуждалась в доработке: наблюдался разрыв между башкирской школьной и научной грамматической терминологией. С течением времени само построение башкирской грамматики стало все больше и больше отходить от схоластической арабской схемы и поворачиваться в сторону грамматики русского языка. Естественно, что начал меняться и лексический состав грамматической терминологии: от арабского к русскому языку.

Юридический статус башкирского языка как государственного был определен постановлением БашЦИКа от 6 июля 1921 года. Сначала (в 1924 году) был утвержден алфавит на основе арабской графи-

ки, который состоял из 33 букв, а затем (в 1928 году) был принят новый башкирский алфавит на основе латиницы, более соответствующий фонетике башкирского языка. Современный башкирский алфавит на основе русской графики (кириллицы) с девятью дополнительными буквами для обозначения специфических звуков башкирского языка стал функционировать с 1940 года, он состоит из 42 букв.

Когда в начале 20-х годов XX века назрела необходимость в разработке башкирского алфавита и орфографии, З.Ш. Шакиров приложил немало сил как к созданию башкирской письменности на основе реформированной башкирской графики, так и к внедрению в жизнь башкирского литературного языка, возникшего на основе старых письменных традиций тюрки, народно-разговорной речи и языкового фольклора. К этому времени он был уже вполне сформировавшимся тюркологом, взявшим на себя смелость дать собственную оценку состоянию тюркологии. В этом отношении программным было выступление З.Ш. Шакирова в феврале 1926 года на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку, на котором рассматривались конкретные вопросы предстоящего перевода письменности тюркоязычных народов СССР на латинизированную графику [30].

В качестве лингвиста-профессионала З.Ш. Шакиров принял активное участие в разработке первых программ, учебников и методических пособий для изучающих башкирский язык. В 1924 году издательство «Башкнига» выпустило написанный им совместно с Ш. Чураевым учебник для школ II ступени «Уроки башкирского языка для русских». Очень небольшое по объему, но емкое по содержанию введение «О звуках башкирского языка и их произношении», написанное им к этому учебнику, фактически, представляло собой первое серьезное научное исследование, посвященное сравнению звуковых систем башкирского и русского языков и разработке наиболее важных вопросов лексикографии и грамматических категорий башкирского языка. Неудивительно, что впоследствии это введение к учебнику в списках своих печатных работ З.Ш. Шакиров всегда указывал как отдельную научную публикацию.

Вслед за «Уроками башкирского языка для русских» последовал «Практический учебник башкирского языка» З.Ш. Шакирова и Ш. Чураева, вышедший в свет в 1929 году и предназначенный для школ II ступени, техникумов и рабфаков.

К этим учебникам З.Ш. Шакиров написал три части «Рабочей книги по башкирскому языку для русской школы» и «Методические записки по изучению башкирского языка в русских школах» (вышли в Башкирском книжном издательстве в 1932 году). Тогда же был издан «Учебник башкирского языка (начальный курс)», часть первая, написанный З. Шакировым совместно с К. Ахмеровым; в 1934 году

появилась вторая часть этого учебника под названием «Учебник башкирского языка для русских» З. Шакирова в соавторстве с З. Утяшевым. Кроме этого, в 1932–1934 годах З.Ш. Шакиров написал и издал учебники башкирского языка и рабочие книги по башкирскому языку для II, V, VI и VII классов школ I ступени. Два учебника З.Ш. Шакирова были адресованы взрослым – «Башкирский язык для взрослых» (1934) и «Учебник башкирского языка для руководящих партийных и советских работников» (Уфа. 1941), написанный в соавторстве с З. Кульбековым.

Создание учебников башкирского языка сильно усложнялось необходимостью учета многообразия тех типов школ, которые существовали в указанное время в Башкирии. Были школы с нерусским составом учащихся, но с русским языком преподавания при обязательном изучении родного языка и литературы; смешанные (двуязычные) школы, в которых наряду с преподаванием родного языка и литературы изучались русский язык и литература; наконец, встречались школы (а иногда это были отдельные классы или группы) с обучением на родном языке (в составе русско-язычных школ).

Специфика всех нерусских школ (в том числе и башкирских) состояла в том, что вся их работа строилась не на одном языке, как в русской школе, а на двух равноправных языках – родном и русском. В методическом отношении преподавание в нерусской школе должно было быть поставлено так, чтобы обучение родному языку облегчило освоение русского языка, и наоборот. Между тем, на практике при обучении обоим языкам приходилось сталкиваться со значительными трудностями. Это было обусловлено тем, что башкирский и русский языки принадлежат к различным языковым системам, чем и объясняется их различная структура. В башкирском, как и в любом родном языке, есть такие звуки-фонемы, каких нет в русском языке, и наоборот. В родном языке могут всегда встречаться такие грамматические категории, которых нет в русском языке, и могут отсутствовать те, которые являются органическими (внутренне присущими) для русского языка. Поэтому необходимо было сначала установить моменты сходства и различия, наблюдающиеся при сравнительном анализе родного и русского языков, и только затем переходить к решению методической стороны преподавания. При наличии грамматического сходства требовалось применять какие-то общие методики преподавания, а при грамматическом различии использовать дифференциальные методики, построенные на учете этих различий.

Участие З.Ш. Шакирова в работе по языковому строительству, в том числе и по написанию учебников башкирского языка, происходило сначала в рамках его сотрудничества с Академическим центром Башнаркомпроса (в 1922–1929 годах)⁵⁷, а затем его деятельно-

сти в уже упомянутом выше Башкирском комплексном научно-исследовательском институте (и выделившемся из него в 1932 году БашНИИ национальной культуры), в которых он состоял научным сотрудником и консультантом по вопросам лингвистики, этнографии и фольклору башкирского языка.

Весьма плодотворной была деятельность З.Ш. Шакирова в стенах БашНИИ национальной культуры по созданию целой серии первых учебных терминологических словарей. Она координировалась специальной Терминологической комиссией, функционировавшей с конца 1922 года при Академцентре Башнаркомпроса и была направлена на выработку официальной системы терминов в области науки, производства, культуры и искусства на башкирском языке.

В 1932 году З.Ш. Шакиров в соавторстве с С. Барановым издал терминологический словарь по ботанике – «Названия растений на латинском, русском и башкирском языках» (268 слов). В том же году вместе с Х. Абдрашитовым, Г. Юсуповым и Р. Фахретдиновым он опубликовал «Термины по химии русско-башкирские и башкирско-русские» (584 слова), а с В. Сулеймановым и М. Срумным – «Термины по математике, русско-башкирские» (384 слова). З.Ш. Шакиров был одним из шести авторов вышедшего в свет в 1934 году дополненного и переработанного словаря «Терминов по математике, русско-башкирских» (957 слов). В 1935 году совместно с У. Хусни он издал «Термины по языку». В последующие годы разработку терминологии различного профиля и ее внедрение через периодическую печать взяла на себя постоянная правительственная Терминологическая комиссия⁵⁸, состоявшая из ведущих башкирских языковедов, в работе которой З.Ш. Шакиров принимал самое активное участие.

Участие З.Ш. Шакирова в создании учебников башкирского языка и башкирской грамматической терминологии происходило в тесном контакте и под непосредственным влиянием Н.К. Дмитриева, почерпнувшего большую часть фактического материала для своей «Грамматики башкирского языка» из экспедиционных записей фольклора и разговорного языка по Башкирии, обмена мнениями и взглядами на лекциях и докладах (Уфа, 1928, 1935, 1936 и 1940 годы⁵⁹).

З.Ш. Шакирова и Н.К. Дмитриева связывала большая духовная близость: о многолетней дружбе двух ученых-тюркологов свидетельствует их личная переписка, хранящаяся в семье Шакировых, из которой мы выбрали два коротких и одно сравнительно длинное письмо. Два первых, бегло написанные торопливой рукой Н.К. Дмитриева, носят явно личный характер. Тем не менее, их содержание позволяет окунуться в житейские трудности военного и послевоенного времени и ощутить ту обстановку, в которой восстанавливалась по сохранившимся черновикам рукопись погибшей при

блокаде Ленинграда «Грамматики башкирского языка» и решался вопрос о параллельном издании ее в Уфе на башкирском языке.

Третье письмо Н.К. Дмитриева (из него публикуются лишь три выдержки, нами опущены все лингвистические тонкости, понятные и интересные лишь специалистам) носит явно эпистолярный характер. Размышления Н.К. Дмитриева, с которыми он знакомит своего коллегу, явно предназначались для последующего ознакомления адресатом письма с его содержанием тех лиц, которые в дальнейшем будут профессионально заниматься разработкой методик преподавания родного и русского языков в башкирских школах.

№1

[1942 год, осень]

Дорогой Закир Шакирович!

П.Г. Тычина⁶⁰, который едет из Москвы в Уфу, согласился доставить это письмо, и я решил написать Вам хоть несколько строк. Кто знает, когда увидимся? Как хорошо, что в 41-м году сфотографировались с Ал.Ал. Черданцевым. Хоть есть что вспомнить! В начале войны мне удалось счастливо уехать из Ленинграда, где остались комната и книги. Остальное время был безвыездно в Москве⁶¹, хотя наш институт и пытались эвакуировать в Ташкент. Живем плохо: нет ни еды, ни денег. Я похудел на 30 кило и таскаю ноги с некоторым трудом. Звали в Уфу в командировку (насчет Словаря⁶²), но я не решился сейчас ехать. Как-то живете Вы? До меня дошли слухи, что Вы чуть ли не без работы, и я написал Усманову⁶³ с просьбой позаботиться о Вас (было это в мае–июне, если не ошибаюсь). Имело ли это какие-нибудь результаты? П.Г. Тычина (мой бывший ученик) говорит, что Вы работаете в пединституте. Как-то Ваша супруга, дочь и сын? Первым двум, которые меня знают, передайте мой сердечный привет. П.Г. Тычина говорил мне, что он одно время собирался брать у Вас уроки башкирского языка, да постеснялся.

Вообще, он хороший и отзывчивый человек. А.А. Черданцев, судя по письмам, чувствует себя плохо. Уфа, должно быть, переполнена беженцами, и цены вздулись невозможно.

Остатки Ленинградского университета в мае вывезены в Саратов, у них и Ольга Ивановна⁶⁴, Гордлевский жив. В конце июля привезли из Ленинграда в Москву на самолете Крачковского⁶⁵, сейчас он в санатории.

Желаю Вам и Вашей семье бодрости и здоровья. Тычина еще поедет в Уфу, и если Вы захотите мне написать, то он, вероятно, согласится передать мне Ваше письмо.

Всего лучшего, Ваш Н.К. Дмитриев.

№ 2

[8 февраля 1946 года]

Дорогой Закир Шакирович!

Посылаю Вам привет и жалею, что осенью Вы не использовали ордера на одежду, которую тут щедро выдавали делегатам⁶⁶. Об этом я, к сожалению, узнал уже после того, как Вы уехали, а то я бы достал денег. Лия Закировна⁶⁷ везет мою Грамматику для передачи ее Харисову⁶⁸, который должен ее перевести и сдать в Башгиз. Перед этим прошу ее просмотреть и, если найдете грубые ошибки, их исправить. Хочу надеяться, что Харисов выполнит свое дело четко и аккуратно. Желаю здоровья Вам и Вашей супруге.

Ваш Н.К. Дмитриев.

№ 3

[дата не установлена]

...Существует мнение, что башкирский и татарский языки близки один к другому, и поэтому методика преподавания русского языка в башкирской школе мало чем отличается от методики его преподавания в татарской. Следовательно, башкирским методистам остается только заимствовать материал татарской методики, и дело пойдет как нельзя лучше. Нужно ли говорить, что подобное наивное и предвзятое утверждение не имеет ничего общего с фактами. Давно уже доказано и фактически, и юридически, что башкирский язык – самостоятельный и полноправный национальный язык тюркской группы, а не какой-то сектор или диалект татарского, как пыталась когда-то представить дело часть националистической татарской буржуазии. Как и один из языков тюркской группы, башкирский язык, несомненно, имеет определенные моменты сходства с татарским, казахским, ногайским, киргизским, чувашским и другими языками. Но тем не менее, между двумя языками существует очень много моментов различия, которые охватывают область фонетики, грамматического строя и словарного состава...

...Говорить о единой методике преподавания родного и русского языков в башкирской и татарской школе могут только те, кто или не знаком с фактическим материалом, или относится к вопросу с явной тенденцией...

...Таким образом, ясно, что методика преподавания языка, разработанная татароведами, может принести башкирской школе очень относительную пользу, а иногда и прямой вред. Методист-башкировед должен рассчитывать, в первую очередь, на себя и, знакомясь с татарской методикой, так сказать, в порядке обмена опытом, сам строить солидное здание методики преподавания родного и русского языков в башкирской школе. Сделано в этом отношении очень и очень мало...

---

8. Методическое наследие З.Ш. Шакирова – результат его практической педагогической работы

Свыше 30 лет З.Ш. Шакиров отдал научно-практической работе в вузах Башкирской Республики.

Из «Автобиографии» (1957г.): «...С 1920 года работал в Уфе в Институте Народного образования, а затем с 1929 года, после реорганизации ИНО в педвуз, в Башгоспединституте – преподавателем башкирского и татарского языков, методики их преподавания и литературы⁶⁹ ...

...4 сентября 1931 года был на основе научных трудов и работы в институте утвержден дирекцией Башгоспединститута в звании доцента на кафедре языкознания, до 1 января 1933 года был заведующим этой кафедрой.

...С ноября 1932 по 1939 год заведовал кафедрой языков и работал преподавателем башкирского языка в Башмединституте⁷⁰.

...В 1943 году после некоторого перерыва вновь был утвержден в качестве заведующего кафедрой башкирского языка при Башгоспединституте. По решению Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР от 23.09.1943 года был утвержден в звании доцента. Заведующим кафедрой проработал до октября 1951 года, после чего по состоянию здоровья и возрасту был освобожден от этой должности. В настоящее время продолжаю свою работу, будучи преподавателем башкирского, татарского языков, истории и диалектологии башкирского и татарского языков...»

Именно годы работы З.Ш. Шакирова на педагогическом поприще в вузах республики оказались наиболее плодотворными в его научно-исследовательской деятельности, тесно связанной с участием в разработке научной терминологии башкирского языка и написанием школьных и вузовских учебников башкирского языка, о которых шла речь выше.

О взглядах З.Ш. Шакирова как признанного педагога и методиста можно судить по его объемной вступительной статье к книге Х. Усманова «Методика башкирского языка в начальной школе», вышедшей в 1959 году, редактором которой он был, а также предисловиям к написанным им самим, или в соавторстве, учебникам и методическим пособиям. Прежде всего, это его «Методические записки по изучению башкирского языка в русских школах (1932)», «Уроки башкирского языка для русских» (1925 год; совместно с Ш. Чураевым), «Учебник башкирского языка для русских» (1932 год; совместно с К. Ахмеровым), «Программа по методике преподавания современного башкирского языка» (1953).

Так, во вступлении к «Методике башкирского языка в начальной школе» Х. Усманова, приводя слова основоположника научной педагогики в России К.Д. Ушинского о том, что *«с первых дней обучения в школе учитель должен ввести ребенка в прекрасный мир родного языка»*, З.Ш. Шакиров писал: *«Любовь к Родине, народу, труду ... ребенок приобретает, прежде всего, через родной язык, народные песни и родную литературу. В языке много философских понятий, удивительно красивых поэтических форм. Язык отражает все стороны человеческой жизни, уроки родного языка способствуют обогащению словаря учащегося, помогают ему осмысленно выразить свои мысли»*.

В процессе обучения неродному языку, по мнению З.Ш. Шакирова, обязательно должны учитываться особенности родного языка учащихся. Он неоднократно указывал на то, что поскольку дети привыкли выражать свои мысли на родном языке, естественно, что при обучении неродному языку они испытывают много трудностей. Эти трудности усугублялись также и тем, что тогда совершенно отсутствовали как методики обучения русскому языку в башкирских и татарских школах, так и методики обучения башкирскому языку в русских школах. По глубокому убеждению З.Ш. Шакирова, башкирский язык для русских школ, как и русский язык для башкирских школ, не должны были преподаваться как иностранные языки. В процессе обучения неродному языку, по его мнению, должны были использоваться иные приемы, нежели те, что применялись при обучении родному и иностранному языкам. З.Ш. Шакиров неоднократно критиковал точку зрения тех пе-

дагогов, которые не видели разницы между обучением родному и неродному языкам, считая, что при обучении первому (родному) и второму языкам вполне применим так называемый натуральный метод обучения.

При натуральном методе обучения другому языку (этот метод часто называют еще «материнским», «естественным» или «прямым»), занятия проводятся с помощью разговора между учителем и учениками, причем для раскрытия смысловой стороны новых для учащихся слов широко применяется наглядность. Однако при этом методе проведения уроков, фактически, совершенно не используется родной язык учащихся. По мнению З.Ш. Шакирова, это обстоятельство является существенным недостатком натурального метода обучения языку: учащиеся в основном усваивают значения слов с конкретным их смыслом, а слова с абстрактным значением остаются ими неувоенными. Кроме того, раскрытие смысловой стороны многих слов проводится лишь приблизительно, совершенно не развиваются навыки самостоятельной работы учащихся с книгой.

Переводно-грамматический метод обучения, в котором перевод считается основным приемом обучения, отличается от натурального метода тем, что он широко использует родной язык и обучаемый использует грамматику этого языка. Именно поэтому З.Ш. Шакиров всегда отдавал переводно-грамматическому методу обучения особое предпочтение, поскольку результаты работы по нему, как правило, всегда были довольно ощутимы: слова изучаемого языка усваивались осознанно; с новыми словами сначала составлялись отдельные предложения, а затем и небольшие связные тексты; появлялась возможность перевода с изучаемого языка на родной язык и, наоборот, с родного языка на изучаемый неродной язык; развивались навыки самостоятельной работы учащихся. Тем самым, по мнению З.Ш. Шакирова, в процессе использования переводно-грамматического метода обучения соблюдались основные принципы дидактики: от известного к неизвестному (от родного языка к неродному), от простого к сложному (слово, предложение, связный текст).

В то же время З.Ш. Шакиров-методист всегда указывал и на слабые стороны переводно-грамматического метода обучения языку: увлечение грамматикой изучаемого языка и переводом не дает возможности в должной степени развить речь обучаемого. Поэтому изучаемый неродной язык, не становясь средством общения, фактически, усваивается пассивно.

Рассматривая также и наглядно-переводной метод обучения языку как разновидность переводно-грамматического и комбини-

рованный метод, использующий сильные стороны натурального и переводно-грамматического методов, З.Ш. Шакиров пришел к выводу, что в чистом виде в условиях обучения русскому языку в нерусских школах и башкирскому языку в русских школах ни один из них не может рассматриваться как универсальный. При обучении неродному языку натуральным методом, по его мнению, в отдельных случаях следует прибегать к помощи родного языка.

Активный сторонник звукового метода обучения, З.Ш. Шакиров всегда отводил видное место развитию речи учащихся. Он считал, что обучение неродному языку должно начинаться именно с разговорных уроков. При их проведении для получения большего конечного результата нужно мобилизовать как слуховые, так и зрительные ощущения детей: использовать песни, рисунки, игры. По его мнению, беседа об окружающих предметах сильно обогащает словарный запас учащихся, развивает навыки построения ими отдельных предложений, связного текста и способствует усвоению диалоговой речи.

Особое место в педагогическом наследии З.Ш. Шакирова отводится выработке навыков чтения у обучаемого. Чтение должно начинаться сразу же после усвоения учащимися определенного запаса слов, полученных на разговорных уроках. Сначала для чтения должны даваться слова со звуками, близкими к звукам родного языка учащихся. Каждое слово должно быть отработано сначала устно, а затем письменно: новое слово обязательно записывается на доске. В процессе чтения должны быть реализованы следующие положения: усвоение механизма чтения (правильное, четкое, беглое, выразительное чтение); анализ словаря и оборотов читаемого текста; ответы на вопросы учителя по содержанию текста; умение ставить вопросы к тексту самим учащимся; пересказ текста, умение сделать обобщение по прочитанному тексту.

З.Ш. Шакиров постоянно призывал обращать внимание учащихся к слову, считал, что обогащение словаря учащихся является неотъемлемой частью каждого урока при обучении неродному языку: усвоение и закрепление слов происходит во время разговора, чтения и письма. Он считал, что в помощь учащимся в конце любого учебника целесообразно помещать двуязычные (башкирско-русские) словари. Учащиеся должны завести словари и записывать туда новые слова.

Для эффективного изучения языка З.Ш. Шакиров рекомендовал использовать при письме следующие упражнения: списывание (из книги, с доски), ответы на вопросы (с доски или карточек), переложение прочитанного текста с изучением его отдель-

ных форм (например, прошедшее время заменить будущим), дописывание предложений, оформление деловых бумаг (при обучении взрослых), переводы с одного языка на другой, включая и обратные переводы.

В наши дни значимость рассмотренных приемов преподавания, использованных З.Ш. Шакировым, достаточно очевидна. Однако в 1920–1930 годах это было далеко не так, и основная ценность всего сказанного заключалась в том, что ученый-педагог как автор учебников на практике придерживался всех указанных принципов. В качестве примера рассмотрим лишь один из них – «Практический учебник башкирского языка для школ II ступени, техникумов и рабфаков», изданный в Уфе в 1928 году в соавторстве с Ш. Чураевым.

Всего в учебнике разработано 64 урока, к каждому из них даны определенные слова с рисунками, далее идет связный текст, а затем слова с прописью. К каждому уроку тематически подобран свой лексический материал. Представлены, например, следующие темы: школа, ученик, учитель, класс, учебный процесс, семья, домашняя обстановка, театр, клуб и т.д. К учебнику прилагается башкирско-русский словарь, причем наряду с исконно-башкирскими приводятся и заимствованные слова, в основном из арабского и русского языков. Учебник позволяет проследить, как башкирский язык, с одной стороны, пытался в какой-то степени приспособить эти слова к своим фонетическим законам, а с другой – как эти особенности отражены в орфографии (писали так, как произносили). Постепенно вводятся части речи: на первых уроках больше существительных, затем все чаще появляются прилагательные, глаголы, числительные, местоимения и наречия. Шаг за шагом на уроках обучаемый знакомится с изменяемыми частями речи, грамматический материал вводится также постепенно и малыми порциями. Это прослеживается, например, на предлогах «в» и «на» (*в зале, на карте, на доске* – 8 урок), окончаниях множественного числа существительных (9 и 12 уроки), порядковых числительных (25 урок), сравнительной степени прилагательных (26 урок) и так далее. В учебнике подобраны удачные в воспитательном отношении тексты, использованы пословицы и поговорки (29, 38, 51, 52, 60, 63 уроки), значительное место отведено диалогам (37–40 уроки), учебник прекрасно иллюстрирован.

Таким образом, все перечисленные выше методические принципы и приемы, разработанные и использованные З.Ш. Шакировым – ученым, лингвистом и опытным педагогом, – были заложены в написанные им программы и учебники незави-

симо от того, кому они были предназначены: самостоятельно изучающим язык, обучающимся на курсах для взрослого населения, в частности, служащим аппарата государственных и партийных органов республики или студентам высших учебных заведений. Для последних это было наиболее актуально, так как способствовало выработке профессионализма в обучении будущих учителей родного языка и было образцом практического внедрения взаимосвязи между школьным и вузовским преподаванием.

Огромную роль сыграли обширные статьи З.Ш. Шакирова в рубрике «В помощь изучающим башкирский язык», периодически печатавшиеся в 1940–1941 годах в республиканской газете «Красная Башкирия»: «О произношении гласных звуков» (1940 год, 2 декабря), «О произношении согласных звуков» (1941 год, 24 января), «Образование множественного числа слов с окончанием на гласные звуки» (1941 год, 6 мая), «Образование множественного числа слов с окончанием на согласные звуки» (1941 год, 20 марта) и другие.

---

9. В памяти родных и близких

Известный немецкий исследователь Древнего Египта Георг Эберс в одном из своих сочинений писал: «Кто жил так, что его память свято сохраняется в душах людей, которых он любил, тот, я думаю, сделал свое дело для продолжения своего существования и после смерти». Полностью разделяя это мнение, мы сочли целесообразным довести до читателя отрывки из воспоминаний о З.Ш. Шакирове его дочери – Лии Закировны Шакировой, профессора Казанского госпединститута, сына – Мидхата Закировича Шакирова, в 1969–1982 годах первого секретаря Башкирского обкома КПСС и внучки – Нэли Мидхатовны Имашевой, заведующей кафедрой иностранных языков факультета башкирской филологии БГПУ имени М. Акмуллы. Эти воспоминания: дочери и сына – ранее опубликованные ([2,3]), внучки – специально написанные для настоящего издания – помогут читателю не только лучше ощутить значимость научной и педагогической деятельности З.Ш. Шакирова, но и представить картину безвозвратно ушедшей, непростой, но исключительно плодотворной атмосферы того времени, в котором жил и работал выдающийся педагог-просветитель.

Из воспоминаний Л.З. Шакировой: «...Отец гармонично сочетал в себе такие качества, как интеллигентность, порядочность, человеколюбие, доброта, доступность и высокий профессионализм в служении своему народу. Он воспитывал нас и тогда, когда мы жили уже самостоятельно, имели своих детей. Не могу забыть, как он откликнулся на мое назначение заместителем декана историко-филологического факультета Казанского Госпед-

института. В своем письме от 29 сентября 1956 года он советовал мне: «Береги свое здоровье, держись спокойно, все свои действия и слова тщательно продумывай, будь внимательной ко всем преподавателям, культурной в общении...»

...В судьбе всех нас – детей, внуков, – отец занимает особое место. Верю, что каждый из нас постоянно ощущает его присутствие в своей жизни. Именно это помогало нам выбирать правильные нравственные ориентиры, соотносить свои стремления и поступки с жизненными принципами старших – отца и бабушки, оценивать все с такой точки зрения, с которой оценивали они.

Сейчас очень многие из тех, кто раньше отвергал религию и объявлял себя атеистами, представляются набожными. А я часто думаю: были ли религиозными мои папа и мама? Пожалуй, ответ на этот вопрос будет положительным. Правда, у нас в семье никогда не говорили о вере, не чувствовалось приверженности к религии. Однако нравственная атмосфера, отношения отца и мамы между собой и к людям, вне зависимости от занимаемого положения и возраста, поступки наших родителей определялись этическими нормами, характерными для мусульманской религии.

Здесь будет уместно вспомнить историю женитьбы Закира Шакировича. Его будущая жена, Гафифа Якуповна (девичья фамилия – Мухитова; сейчас потомки этого рода живут в Санкт-Петербурге) родилась в 1891 году в деревне Ябалаково Илишевского района Башкирии. Дом, где жила ее семья, стоял на берегу реки Сюнь. По рассказам родственников, ее выбрали, согласно мусульманскому обычаю, старшие родичи, и впервые жених Закир увидел свою невесту в день свадьбы. Такой порядок устройства брака, конечно, можно критиковать, но немало в нем было и рационального, мудрости предков – разве стали бы родители выбирать своему сыну какую-то неподходящую пару? Выбор оказался верен и в тот раз. Молодые очень понравились друг другу и прожили в добром согласии много лет. Когда мама в 1958 году умерла, отец очень тосковал по ней и часто повторял ее имя даже во сне...

Но обратимся к более ранним временам. Еще одно проявление нравственной позиции родителей состояло в том, что в семье всегда критиковалась трата времени, направленная не на добро и созидание, а на бессмысленное обсуждение неблагоприятных чужих поступков. Отец внушал нам мысль, что со злом надо бороться с помощью добра, что нельзя опускаться до уровня тех, кто способен на недостойные дела. Действия, заслуживающие порицания, особенно когда кто-то совершал их неоднократно, отец без дальнейших комментариев объяснял ущербностью ума

человека, причем, в его устах это звучало не как брань, а именно как спокойное объяснение. «Анын акылы зэгыйфь» («Он на голову инвалид») – говорил папа про таких людей.

Невозможно забыть, как ценил он те редкие дни, которые проводил с нами в деревне. Это было в Кара Якуп и Абдуллино Чишминского района, куда он отвозил нас вместе с мамой на летние каникулы. Во время прогулок по лесам и лугам отец старался привлечь мое внимание к встречающимся растениям, повторял их названия. Я удивлялась его обширным познаниям в этой области, и только через несколько лет узнала, что папа был одним из авторов «Русско-башкирского словаря названий растений» (1932 год).

Помню, как он был огорчен, увидев, что школа в деревне Кара Якуп не обнесена оградой. Но одним огорчением дело не ограничилось: посоветовавшись с мамой, он предложил директору огородить школу на собственные средства, которых не так уж много было в семье.

Некоторые выпускники этой школы часто бывали у нас дома. Общаясь с отцом, под его влиянием и, видимо, не без его же помощи становились студентами Башкирского пединститута, в дальнейшем – заметными специалистами в избранной области.

О высокой врожденной культуре и образованности папы свидетельствовал весь его облик, негромкий голос, умение спокойно вести беседу на любую тему. Кто бы ни приходил к нам, он всех встречал приветливо, всегда говорил «Добро пожаловать!». Был воздержан. Помню, как в конце Великой Отечественной войны папу наградили орденом Трудового Красного Знамени, и коллеги из института пришли поздравить его. Мама, как было заведено, отправилась на кухню ставить самовар, а кто-то из гостей сказал: «Неужели, Закир Шакирович, Вы даже по поводу столь большой награды не выпьете с нами?» Папа рассмеялся и ответил: «Посмотрим, может быть, по случаю окончания войны...» Это, конечно, была шутка, так как мы, его дети, никогда не видели в нашем доме никаких спиртных напитков. Это замечательное качество отца впоследствии перешло к его сыну, моему брату, – Мидхату Закировичу...

... «Нашего дорогого Аксакала» (так с любовью и трогательным уважением называли отца в Башкирии) знали очень многие. Люди шли к нему за советом, с просьбами или просто пообщаться.

Когда я с семьей (дочерью Дилярой и мужем Мансуром) приезжала в отпуск из Казани, становилась свидетельницей того,

как отец помогал начинающим и уже солидным деятелям науки в расшифровке древних арабских рукописей, в которых почти никто, кроме него, не мог разобраться. Основательные знания, полученные в казанском медресе «Мухаммадия», давали ему возможность оказывать квалифицированную помощь при подготовке кандидатских и докторских диссертаций некоторых и ныне живущих ученых. Так отец невольно оказался посредником в «генетической памяти», связывающей разные поколения тюркских народов. Это его качество, смею надеяться, перешло и ко мне – по сию пору немало помогаю тем, кто имеет склонность к лингвистике, часто даже не претендуя на соавторство или упоминание в качестве редактора, хотя объем проделанной работы бывает велик...

Не устану говорить о выпавшем на мою долю счастье: у нас дома бывали выдающийся народный поэт Мажит Гафури и один из создателей советской тюркологии, ученый с мировым именем Н. Дмитриев. Даже сейчас как будто слышу голоса папы и Николая Константиновича, ставшего со временем одним из моих учителей. Они беседовали на арабском языке, а может быть, на персидском – я этого не знаю и уже не узнаю никогда. Теперь жалею, что не ко всем советам папы прислушивалась и не овладела этими языками, знание которых открыло бы прекрасные новые перспективы в моей научно-педагогической деятельности».

Из воспоминаний М.З. Шакирова: «... С раннего детства, а оно пришлось на 20-е годы, помню, как отец работал в школе. Он был директором, однако этот пост не приносил семье особого достатка – жили скромно, а часто и трудно. Достаточно сказать, что из пяти детей, которые были у родителей, выросли только двое. Время было тяжелое.

Семья наша жила в квартире из трех маленьких комнат с кухней, на втором этаже двухэтажного деревянного дома, принадлежавшего богатому человеку, которому все мы (кроме нас еще пять семей) платили за жилье...

...Примечательный штрих нашего тогдашнего образа жизни и уровня благосостояния: мы, городская семья, к тому же учительская, держали корову. И это не было исключением. Помню, что в летнее время наша корова в стаде паслась за рекой Белой, и ближе к вечеру мама и ее подруги, тоже «владелицы крупного рогатого скота», отправлялись доить своих буренок. Причем, плыли через достаточно широкую реку в любую погоду на обычной лодке – вот

ведь отважные были женщины! Позже корову продали – то ли трудно ее было держать, то ли деньги понадобились. Но без молока не остались – приобрели козу.

Отец был директором до начала тридцатых годов. Я часто ходил с ним в школу. Он преподавал там русский, татарский и башкирский языки. Русскому он научился еще в своей родной деревне.

Став взрослым, я понял, что отец был настоящим педагогом, Учителем с большой буквы. Работа в школе, а потом научная деятельность отнимала у него много времени, но мы, дети, – я и сестра Лия – ощущали его влияние даже тогда, когда папы не было дома. До сих пор помню его разговоры со мной, обычно с глазу на глаз, на темы учёбы, поведения, уважения к старшим... Он не поучал, а говорил со мной как с равным, вообще никогда не прибегал к насилию или принуждению, а во всем полагался на наш разум. С мамой они жили дружно, при нас отношений никогда не выясняли. Сейчас можно предположить, что у них, как и в любой семье, наверняка были какие-то проблемные ситуации, но все всегда решали спокойно, как подобает интеллигентным людям. Да и меня отец никогда не наказывал, а уж о том, чтобы бить, и речи идти не могло. Хотя шалуном я был ничуть не меньшим, чем другие ребята, и в уличных мальчишеских драках, случалось, участвовал. К слову сказать, драки эти никогда не велись по национальному признаку, а только двор на двор или, в случае особо крупных «сражений», улица на улицу, и «своими» были, например, не русские для русских или башкиры для башкир, но только соседи для соседей.

Да, родители любили нас такими, какими мы были, и их доброе отношение не просто запомнилось, но стало поддержкой на всю жизнь. Вот один случай. Как-то суровой зимой мы с отцом пошли в магазин – нужно было купить мне новые валенки, потому что старые я, по обычаю всех мальчишек, протер на пятках, катаясь по льду. Продавец был знакомый, русский дядька с окладистой бородой, имени его уже не помню. «И что же Вам нынче нужно, Закир?» – спросил он отца. – «Да вот валенки сыну». Продавец предложил мне померить несколько пар обычных катанок из грубой серой шерсти. Но я тогда уже чуть-чуть понимал толк в красивых вещах и показал на другие валенки, черные, – они были пофасонистее. «Э-э, – сказал продавец, – да эти валенки дороже будут. Неужели, Закир, такие дорогие мальцу купишь, ведь опять протрет?» – «Знаешь, – сказал на это папа, – сейчас он таких валенок стоит. Будет ли стоять потом, когда вырастет, не знаю, но теперь ему куплю, какие он хочет».

Отец был скорее спокойным человеком, но умел и любил радоваться жизни, особенно ему нравилось встречаться с людьми. К нам часто приходили гости, обычно школьные учителя, но нередко бывали и ученые, литераторы – башкиры, татары, русские... Общение, хорошие отношения с окружающими отец ценил очень высоко, и мы, дети, это чувствовали. Как чувствовали и то, что родители ни в коем случае не хотят ограничивать нашу свободу: видимо, это было одним из их педагогических принципов. Так, после окончания седьмого класса мне и еще нескольким моим друзьям-одноклассникам загорелось поступать в фабрично-заводское училище – уж больно хотелось скорее стать самостоятельными людьми. Отца тогда дома не было, он находился в какой-то длительной командировке. А когда вернулся, я уже был в ФЗУ при Уфимском паровозоремонтном заводе. Думаю, что папу это расстроило, он хотел, чтобы его сын стал гуманитарием. Но виду он не подал и сказал совершенно спокойно: «Я думал, ты пойдешь по моей дороге, но ты выбрал свою. Что ж, воля твоя. Но знай, что дорога, которую ты выбрал – трудная. Хотя и интересная». Время показало, что отец был прав».

Из воспоминаний Н.М. Имашевой: *«... Дедушка работал в должности заведующего школами №4 (II ступени) и №16 (I ступени) с 1919 года по 1930 год. Папа часто ходил с ним в школу. Преподавание в ней велось на русском, татарском и башкирском языках. Дедушка великолепно владел арабским, персидским, татарским и башкирским языками, достаточно хорошо говорил и писал на русском, который он изучил в объеме программы высшего начального училища в Казанском медресе «Мухаммадия». Он был очень прозорливым педагогом, понимал, что русский язык станет в Башкирии средством межнационального общения и всякий уважающий себя человек должен владеть им. По его инициативе дети с младшего возраста начали общаться с русской женщиной. И кто знает, может быть именно благодаря ей у папы выработалась такая четкая дикция, а моя тетя выбрала русский язык в качестве своей специальности и посвятила ему всю свою жизнь.*

Из воспоминаний папы помню, что деревня, в которой жила наша бабушка Галима, была довольно большой уже в те времена, где-то 300 дворов. У моей прабабушки был большой шестистенный дом, большой сарай, где она держала скотину, баня и самое главное – большой сад. Этот сад в свое время заложил ее сын

Хафас, разбиравшийся в растениеводстве. В нем росли яблони и вишни, которые приносили большой урожай.

Бабушка Галима очень любила своего внука Мидхата, и надо сказать, что любовь была взаимной. Папа с большой радостью ездил к ней на лето. Она была также достаточно образованной женщиной: умела читать по-арабски и знала много стихов, которые декламировала своему любимому внуку. Папа проводил много времени на речке, которая протекла рядом с деревней, а также любил ездить верхом на лошадях. В то время бабушка Галима уже жила одна, соседи помогали ей справляться с хозяйством. Все ее сыновья разъехались по разным городам: Ахнаф жил в Москве, Закир – в Уфе, Ханиф, Хафас и Сугут – в Казани, Гасим – в Смоленске.

После пожара в доме, находившемся на улице Красина, дедушка поселился в доме по улице Сталина, 34. Этот дом, принадлежавший Башгоспединституту, имел три квартиры. Дом был деревянный, одноэтажный, старый, без удобств, с туалетом на улице. Дедушка жил в трехкомнатной квартире, которая отапливалась дровами. Еду готовили в печке и на электроплитке. В доме была только самая необходимая мебель. В каждой комнате – кровать, стол, стулья, комод и сундук. В большой комнате стоял самовар. В доме не было водопровода, воду носили ведрами из ближайшей колонки. Не было современных удобств, таких как холодильник, газовая плита. Несмотря на это, детей и внуков всегда ждала свежеприготовленная еда, стол накрывался по всем правилам этикета. Предпочтение отдавалось мусульманским блюдам, таким как шурпа, баурсак, мед, учпочмак, бишбармак, чакчак, и различным вареньям, приготовленным собственными руками. За домом, во всю его длину, располагался небольшой сад. Он принадлежал трем хозяевам. Хотя он не был разделен, каждый знал свое дерево, куст. Напротив дедушкиной квартиры росли яблони и кое-какой кустарник. Одна яблоня сорта «Башкирский красавец» обильно плодоносила, яблоки были на столе каждый день. В этом саду часто собирались взрослые, их дети и внуки. Нередко эти встречи заканчивались фотографированием. И сад был излюбленным местом для детских игр.

Дедушкиными соседями справа была семья Соколовых, глава семьи – биолог М.Я. Соколов, доцент БГПИ; слева – семья Классен: Генрих Николаевич и Эрна Давыдовна, преподаватели немецкого языка в пединституте. Эти три семьи, разные по национальности, но очень дружные, ходили друг к другу в гости, общались.

Кабинет дедушки представлял маленькую комнатку, всего около 5 квадратных метров, шириной в длину одной кровати.

Кроме нее стояли письменный стол и книжный шкаф. Здесь дедушка работал, писал статьи и учебники.

Перечислю лишь некоторые наиболее запомнившиеся детали внешности моего деда: он был высокого роста, спину держал прямо до старости, носил большие усы, которые делали его похожим на Горького, держался всегда с большим достоинством, был сдержанным.

Лицо его всегда было спокойным, он никогда внешне не выражал отрицательных эмоций. Он никогда не повышал голоса, всегда говорил тихо и взвешенно. С детьми и внуками был исключительно терпелив, не раздражался, не повышал на них голоса. Всех поражала его внутренняя и внешняя интеллигентность. Между бабушкой и дедушкой существовали ровные теплые и нежные отношения, они никогда не разговаривали друг с другом на повышенных тонах, окружающие не видели их раздраженными, недовольными, рядом с ними их дети и внуки всегда чувствовали себя спокойно и защищено».

---

10. В памяти коллег и учеников

Педагогическая и научная деятельность З.Ш. Шакирова, его внимательное отношение к окружающим, умение принципиально и по-доброму решать любые вопросы с коллегами и со студентами – все это осталось в благодарной памяти его коллег и учеников. Никто из тех, кто учился или работал с ним или под его руководством, не может вспомнить ни одного случая спровоцированной З.Ш. Шакировым конфликтной ситуации. Если таковые и возникали в коллективе, то З.Ш. Шакиров со свойственным ему спокойствием и доброжелательностью умел конфликты погасить, а участвующих в них примирить друг с другом.

В 1927 году исполнилось 25 лет педагогической и научной деятельности З.Ш. Шакирова. Эту дату широко отмечала общественность Башкирии [32–35]. В научно-литературном и общественно-педагогическом ежемесячном журнале «Магариф» (Просвещение), издававшемся в Казани Научной коллегией комиссариата по делам мусульман Внутренней России [13], в статье «Герои просвещения» имя З.Ш. Шакирова было названо в числе удостоенных звания «Герой Труда»⁷¹.

29 декабря 1939 года Президиум Верховного Совета Башкирской АССР наградил З.Ш. Шакирова Почетной грамотой за активное участие в разработке проекта башкирского алфавита на основе русской графики. 20 марта 1944 года за выдающуюся научно-педагогическую и общественную деятельность Указом Президиума Верховного Совета БАССР З.Ш. Шакирову было присвоено звание Заслуженного деятеля науки БАССР [36], а буквально через не-

сколько дней Указом Президиума Верховного Совета СССР за достижения в области науки он был награжден орденом Трудового Красного Знамени [37].

В 1944 году при Башгоспединстиуте была открыта аспирантура по башкирскому языку и литературе. Руководителем первых аспирантов – Х.Ш. Зинатуллиной и Б.М. Магасумовой – стал заведующий кафедрой башкирского языка и литературы З.Ш. Шакиров. Именно они внесли посильный вклад в образование и культуру своего народа, продолжив в дальнейшем начатые их научным руководителем педагогические исследования, стали авторами многочисленных учебников и пособий по изучению башкирского языка.

1 апреля 1946 года З.Ш. Шакиров был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а 30 июня 1942 года за большую работу по подготовке и воспитанию высококвалифицированных кадров ему была вручена Почетная грамота Башкирского обкома ВЛКСМ.

В ноябре 1951 года педагогическая общественность Башкирии отметила 70-летие ученого-педагога. Этому знаменательному событию было посвящено торжественное заседание в здании Башкирского академического театра [38], республиканские газеты и журналы на своих страницах опубликовали статьи о З.Ш. Шакирове. Он получил многочисленные поздравления от ученых-тюркологов Москвы, Ленинграда, Казани, Баку и других городов страны. Среди этих поздравлений была и телеграмма от выдающегося советского востоковеда, академика АН СССР В.А. Гордлевского, дружба с которым началась у З.Ш. Шакирова в Уфе еще в 1917 году: *«Дорогой Закир Шакирович, приветствую Вас в день славного юбилея, радуюсь, когда слышу о Вас, сожалею, что давно не вижу. Ваш Гордлевский»*.

В 1954 году З.Ш. Шакиров был награжден самой высокой наградой страны – Орденом Ленина. Через два года, отдав делу народного образования 54 года, в 75-летнем возрасте, он ушел на пенсию, но по-прежнему не бросил свою педагогическую деятельность: продолжал обучать в стенах БГПИ (а с 1957 года – Башкирского государственного университета) своих студентов старотюркским языкам, помогал сотрудникам Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР читать и реставрировать памятники башкирского эпоса.

Смерть З.Ш. Шакирова наступила неожиданно: он упал на улице, несколько дней проболел и умер. *«Его кончина 3 декабря 1968 года, – писала республиканская печать [39–41], – стала невосполнимой утратой для работников народного образования республики»*.

В ноябре 1981 года научно-педагогическая общественность не только Башкирской и Татарской республик, но и страны, отметила 100-летие со дня рождения ученого-филолога, просветителя-педагога Закира Шакировича Шакирова [42–46]. Торжественные заседания в Уфе прошли в Башкирском государственном университете и в Доме культуры Ленинского района Уфы (в этом районе находится средняя школа № 2, в которой долгие годы заведующим и директором работал З.Ш. Шакиров). В стенах именно этих учебных заведений прошла большая часть творческой жизни Заслуженного деятеля науки БАССР З.Ш. Шакирова.

Из воспоминаний Х. Зинатуллиной, доцента БашГУ: «... В 1944 году на кафедре башкирского языка в суровые годы Великой Отечественной войны была открыта аспирантура. Бахия Магасумова и я стали самыми первыми ее аспирантками. До тех пор никакого опыта по руководству аспирантурой в области башкирской филологии не было. З. Шакирову пришлось начать и возглавить эту работу.

Под его руководством учиться и работать было как-то по-особому легко, и Закир-ага многому научил нас. Видимо, это происходило благодаря его природному педагогическому таланту и всестороннему образованию. Нашему наставнику всегда была присуща истинная интеллигентность. В общении с преподавателями, студентами, лаборантами он умел сочетать требовательность с мягкостью, а в тех случаях, когда возникали сложные ситуации, никогда не повышал голос – это вообще ему было не свойственно.

Спокойный, всегда улыбчивый, немногословный, но умеющий учить людей добру и дать правильный совет, педагог и ученый, мудрый руководитель – таким Закир-ага навсегда сохранился в моем сердце».

Из выступления профессора М.Ф. Гайнуллина (1981): «...Человек эрудированный, широкого кругозора, З.Ш. Шакиров пользовался большим уважением и авторитетом среди своих коллег. Его высоко ценили в научных и вузовских коллективах. Глубина и фундаментальность научного мышления, прекрасное владение многими восточными языками сочетались у него с искренней и беззаветной любовью к мировой культуре и преданностью интересам родного башкирского народа...»

Из выступления Г.С. Саубанова, заслуженного учителя школы РСФСР (1981): «...В 1924/1925 учебном году я переступил порог школы, основателем и директором которой был З.Ш. Шакиров. Личный пример моего учителя, а затем и наставника помог мне, как и многим другим, в выборе профессии. Более 20 лет я работал директором школы № 2 Ленинского района Уфы, которую мы называли школой Шакирова. Я уже не молодой человек, но и сейчас нередко чувствую необходимость мысленно спросить совета у своего учителя. Это говорит о том, что его дела, его личность имеют непреходящее значение. Такие люди продолжают служить народу и после смерти...»

Из статьи профессора З.Г. Ураксина, академика АН РБ (1981): «... Свои исследования в области башкирского языка З.Ш. Шакиров начал вести в середине 20-х годов, когда башкирское языкознание, как самостоятельная отрасль науки, еще только зарождалось... Одним из важнейших участков языкового строительства была работа по созданию научной терминологии башкирского литературного языка. З.Ш. Шакиров был одним из составителей русско-башкирского терминологического словаря названий растений (Уфа, 1932), а также словаря терминов по языку (Уфа, 1935); он участвовал и в составлении Большого русско-башкирского словаря, вышедшего в свет в 1948 году...»

Из воспоминаний А.И. Чанышева, доцента Башгосуниверситета, в 1932–1935 годах заместителя директора БНИИ нацкультуры: «...Это был исключительно образованный человек и педагог, тонкий знаток своего народа. К сожалению, научная деятельность его не обобщена, некоторые труды до сих пор не опубликованы. Необходимо восполнить этот пробел и опубликовать наиболее значимые работы Закира Шакирова».

Из воспоминаний Р.К. Гатауллина, директора Старокамышенской средней школы (1981): «...Горжусь тем, что в свое время был учеником такого замечательного педагога. За годы учебы он стал нашим товарищем, одинаково уважительно относился и к преподавателям, и к студентам, всегда находил время дать нужный совет, оказать посильную помощь. Мы, учителя, гордимся тем, что продолжаем его дело. Сознание того, что нам посчастливилось учиться у такого педагога, создателя теоретических основ башкирской письменности, придает силы в практической педагогической работе...»

Из газеты «Советская Башкирия» (1981): «... З.Ш. Шакиров – педагог в высоком смысле этого слова, организатор и теоретик народного просвещения. Его многочисленные учебники и учебные пособия по родному языку и литературе, исследования по краеведению, истории, этнографии и фольклору имеют непреходящее значение. З.Ш. Шакиров стоял у истоков башкирского языкознания, активно участвовал в работе по языковому строительству, составлению первых школьных учебников и учебных пособий...»

Из воспоминаний профессора К.З. Закирьянова: «Закир Шакирович Шакиров запомнился мне как классический ученый, убежденный сединой, элегантно одетый, с добрым лицом, всегда находящийся в окружении своих коллег и учеников, уважаемый и почитаемый всеми и в то же время внимательный ко всем: не только к своим коллегам – старшим и ровесникам, но и к младшим по возрасту – своим ученикам. Его добрая улыбка на лице располагала к себе собеседника. Я всегда любовался его высокой статной фигурой, манерой держаться перед студенческой аудиторией и даже степенной походкой.

Увидел я его впервые в 1960 году, когда после окончания аспирантуры в Москве, защитив кандидатскую диссертацию, вернулся на работу в качестве преподавателя в родной Башкирский университет. Закир Шакирович уже был на заслуженном отдыхе – на пенсии. Но его приглашали для чтения лекций и проведения практических занятий по старотюркскому языку со студентами башкирского отделения филологического факультета БашГУ. Я помню, с каким удовольствием ходили студенты на его занятия, каким большим авторитетом он пользовался среди преподавателей и студентов. На меня, начинающего вузовского преподавателя, это производило очень сильное впечатление.

Работая над проблемами преподавания русского языка в башкирской школе, я внимательно изучал составленный З.Ш. Шакировым учебник башкирского языка для русских школ и нашел в нем много интересного и полезного. Мне посчастливилось получить у него несколько кратких консультаций по вопросам преподавания башкирского языка в качестве не родного русским, за что я ему бесконечно благодарен.

Из воспоминаний М.З.Зайнуллина, профессора, члена-корреспондента АН Республики Башкортостан (2006): «...В 1954 году после окончания Мраковского педагогического училища я поступил учиться в Башгоспединститут по специальности «Башкирский язык и литература, русский язык и литература». В институте в то время работали известные ученые и преподаватели, из которых особенно выделялся Закир Шакирович Шакиров. Он вел занятия по старотюркскому языку. За короткий срок мы научились читать тексты, написанные на арабском языке. Студенты совсем скоро убедились, что наш преподаватель не только хорошо владеет арабским языком, но и глубоко знает методику его преподавания. Занятия он проводил интересно, часто подробно рассказывал об актуальных проблемах башкирского языка. Уже позднее, став после аспирантуры преподавателем кафедры башкирского языкознания, я узнал о том, что З.Ш. Шакиров внес огромный вклад в формирование и развитие башкирской филологической науки.

Диапазон его научных интересов был необычайно широк. Закир Шакирович был очень доступным, обаятельным и чрезвычайно добрым человеком, он пользовался большим авторитетом среди своих коллег и студентов».

Именно таким человеком, гармонично сочетавшим в себе интеллигентность, порядочность, профессионализм в деле служения народу, Учителем с большой буквы останется Закир Шакирович Шакиров в памяти своих родственников, коллег и учеников.

Примечания

---

1. Часть материалов этой рукописи была опубликована на башкирском языке в журналах «Учитель Башкирии» (1977, № 11, с.42–44) и «Агидель» (1981, № 11, с.108–114).

2. Хазрет (араб. – «высочество»), почетный титул, применительно к имени Бога, пророков, известных святых. В татарском языке употребляется и в смысле образованного религиозного деятеля.

3. Обладавший немалыми познаниями в области арабского, персидского и турецкого языков, Шакир Шакиров дал своим детям имена со значением: Закир (восхваляющий, словославящий Аллаха в своих молитвах), Карам (щедрый, великодушный, благородный), Ханиф (истинный, настоящий, простодушный, прямолинейный, любящий справедливость), Ахнаф (говорящий самые справедливые слова, хранитель тайны), Гасим (святой, правдивый; человек, воздерживающийся от дурных поступков), Камал (благополучный, успешный во всех отношениях), Хафас (человек, хорошо ознакомленный с Кораном; знающий Коран наизусть), Сугут (возвышающийся, поднимающийся вверх от рождения), Кафия (успевающая, укладывающаяся в срок). Три брата Закира – Карам, Сугут и Камал – стали жертвами политических репрессий 30-х годов XX века.

4. Баруди (настоящая фамилия Галеев) Галимджан (1857–1921), религиозный и общественный деятель. Родился в семье мелкого торговца, дела которого быстро пошли в гору. В 1860 году отец перевез жену и сына в Пороховую слободу Казани («порох» по-арабски «баруд», отсюда и псевдоним «Баруди»). Обучался сначала в Казани в Каримовском (при 2-ой приходской мечети) медресе, где на личном опыте понял опасность бессмысленного и схоластического преподавания, отбивавшего у молодых людей интерес к изучению духовных наук и не раскрывавшего истинного содержания Ислама. Окончательно религиозно-реформаторские взгляды Г. Баруди

сформировались в Бухаре, где с 1925 года в течение 7 лет он обучался в известном медресе «Мир-Араб». Он не только пополнил там свои знания у выдающихся оазазов (наставников), но и еще более ощутил величие и неисчерпаемый потенциал исламского учения, найдя в суфитском братстве гармонию и чистоту человеческих отношений мусульманской общины времен Пророка. В 1882 году при отъезде на родину по настоянию родителей, боявшихся за здоровье сына, вывез из Туркестана около 40 пудов книг и рукописей, оцениваемых в то время в 5–6 тысяч рублей. Вскоре был избран имамом 5-ой Соборной мечети Казани, в 1887 году совершил хадж в Мекку, после чего стал одним из признанных идеологов и практиков джадидизма – обновленческого движения российских мусульман. В 1906 году участвовал в работе второго (Санкт-Петербург, январь) и третьего (Нижний Новгород, август) «Союза мусульман» России съездов, вошел в ЦК партии «Иттифак аль-муслимин» (Согласие мусульман), был редактором и издателем общественно-политического журнала «Ад-дин ва аль адаб» («Религия и нравственность»), выходившего с перерывами (1909–1912) до 1921 года.

В 1908 году по доносу сторонников кадимизма (консервативного движения, защищавшего патриархальные устои жизни мусульман) был арестован и сослан в Вологодскую губернию, однако через 4 месяца по разрешению властей стал отбывать оставшийся срок ссылки за рубежом (в Сирии). Только через 2 года, по возвращении в Казань (1912), был восстановлен в своей должности. На 1-м Всероссийском мусульманском съезде (Москва, май 1917) был избран муфтием Внутренней России. Октябрьскую революцию 1917 года принял критически. С начала 1918 года возглавил Национальное управление мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, после ликвидации которого (1918, март) сохранил пост муфтия и продолжал отстаивать интересы мусульманского населения страны. В июле 1918 года в тревоге за судьбу своей уникальной библиотеки передал ее в дар Татарской республике. Она составила основу Восточного фонда Научной библиотеки Казанского университета. Автор большого количества учебных пособий для учащихся как начальных, так и старших классов медресе. В сентябре 1908 года для издания своих педагогических трудов, особенно учебников для медресе, добился открытия в Казани типографии «Миллят» (Нация). Новометодный букварь татарского языка «Савадхан» (Начальная грамота), написанный Г. Баруди в 1891–1915 годах, переиздавался 12 раз.

Скончался в Москве, куда прибыл по делам помощи голодающим Поволжья. Похоронен в Казани.

5. Учебная программа «Мухаммадии» была помещена в октябрьском номере журнала «Ад-дин ва аль адаб» (Религия и нравственность) за 1913 год. Приведем перечень преподаваемых в медресе светских дисциплин: русский язык, арифметика, чистописание, рисование (черчение), счет, география, физика (природоведение), геометрия, история России, всеобщая история, история тюркских народов, история науки и классов, фараид (наука о разделе имущества), этика, гигиена (медицина), метрика, риторика, психология, логика, философия, методики преподавания отдельных дисциплин, педагогика. Кроме того, изучались татарский язык, татарская литература, арабский язык, персидский язык и арабская литература.

Особое внимание в «Мухаммадии» придавалось изучению русского языка. Так, в начальных и средних классах в течение 11 лет шакирды изучали русский язык ежедневно (6 уроков в неделю), тогда как другим предметам уделялось в неделю не более двух часов. Что касается соотношения религиозных и светских предметов, то в пяти начальных классах «богословским» дисциплинам отводилось всего 39, а светским 111 часов, в шести средних классах соответственно 43 и 131 час.

6. Буби (Нигматуллин) Губайдулла (1866–1930), педагог. В 1895 году со своим братом Габдуллой (1871–1922) реорганизовал и возглавил старейшее медресе «Буби», основанное еще в 1781 году в деревне Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии. В «Конфессиональной школе казанских татар» (Казань, 1916) Я.Д. Коблова говорится: *«До той высоты, на которую поднялось Иж-Бобинское медресе в период своего расцвета, не доходило ни одно медресе Приволжского края»* [4]. Без учета начального отделения в 1908 году медресе состояло из 8 классов, где занятия велись по 30 дисциплинам (6 – религиозного, 22 – светского направления). В 1911 году, после того, как мударисы и шакирды «Буби» были обвинены в пропаганде «панисламизма», а медресе закрыто, переехал в Уфу; до 1924 года преподавал физику и географию в различных медресе и школах, в 1924–1926 годах – директор сельхозтехникума в Казани, в 1927–1930 годах – заведующий школой в Коканде (Узбекистан). Автор учебников по географии, физике, естествознанию, этике, грамматике татарского языка, неоднократно переиздававшихся в 1898–1917 годах.

7. Аккура (Акчурин) Юсуф (1876–1935), общественный и политический деятель. В 1904–1908 преподавал в медресе «Мухаммадия», редактор общественно-политической и литературной газеты «Казан мухбире» (Казанский вестник). Один из организаторов и лидеров партии «Иттифак аль-мусульмин», в программе которой были конституционная монархия, демократические свободы, ра-

венство религий перед государством, возвращение мечетей и медресе мусульманам. С 1908 года, когда партия объявила о самороспуске, – в Турции, издатель и редактор журнала «Тюрк юрду», депутат Великого национального собрания Турции (с 1923 года), советник президента Турции Кемалю Ататюрка по вопросам культуры и политики, профессор Стамбульского университета, председатель Турецкого исторического общества (1931). Труды по проблемам развития национального самосознания и политической мысли тюркских народов.

8. Валиди (Валидов) Джамал (1887–1932), педагог, литературовед, языковед. Окончил медресе «Буби», а затем Казанскую татарскую учительскую школу. Некоторое время преподавал в Восточном педагогическом институте (Казань). Его книги «Пути развития татарской литературы» (1912) и «Наука и национальность» (1914) стали важным этапом в развитии татарской эстетической мысли. В 1927 и 1929 годах издал 2 тома «Толкового словаря татарского языка». Будучи прямым и бескомпромиссным человеком, подписал знаменитое «Письмо 82-х», в котором выражался протест против смены татарского алфавита и замены арабского шрифта латинским. В мае 1931 арестован по обвинению в создании «Организационного центра», якобы объединявшего буржуазно-националистские круги Казани. Скончался в тюремной больнице, посмертно реабилитирован.

9. В застойные годы, уже после посмертной реабилитации Джамала Валиди, во всех статьях о нем непременно упоминалось, что эта книга в числе немногих книг татарских авторов имелась в личной библиотеке В.И. Ленина в Кремле.

10. «Казан мухбире» (Казанский вестник) – общественно-политическая и литературная газета, орган партии «Иттифак аль-муслимин», издавалась с октября 1905 по декабрь 1911 на татарском языке; вышло 416 номеров. Издатели и редакторы в разные годы: С. Алкин, Б. и Г. Шарафы, А. Сайдашев, Ю. Акчура. В газете активно печатался Г. Камал. В 1909–1910 годах издавалось приложение – юмористическая газета «Без» (Шило); вышло 25 номеров.

«Фикер» (Мысль) – общедемократическая прогрессивная еженедельная газета. Издавалась с ноября 1905 по май 1907 года в г.Уральске на татарском языке; вышло 73 номера. Издатель и редактор К. Мутыги, позднее издателем стал М. Губайдуллин, редактором В. Хамидуллин. В газете часто печатался Габдулла Тукай.

«Шура» (Совет) – общественно-просветительный и литературно-публицистический журнал. Издавался с января 1908 по 1918 год в г.Оренбурге на татарском языке 2 раза в месяц как приложение к газете «Вақыт» (Время); вышло 240 номеров. Издатель М.-

Ш. Рамиев, затем Дэртменд, редактор – Р. Фахретдин. В журнале активно сотрудничали Габдулла Тукай, Галимджан Ибрагимов и другие.

«Ан» (Сознание) – общественно-политический, литературно-художественный и научно-педагогический иллюстрированный журнал, орган книжного издательства «Гасыр». Издавался с декабря 1912 по март 1918 года в г.Казани на татарском языке 2 раза в месяц; вышло 113 номеров. Редактор – А. Хасани. В журнале часто печатались Г. Тукай, М. Гафури, Г. Камал и др.

«Мугаллим» (Учитель) – художественный и научно-педагогический журнал. Издавался с октября 1913 по апрель 1914 года в г.Оренбурге 2 раза в месяц; вышло 9 номеров. Издатель и редактор – Х. Гали.

«Мектеб» (Школа) – педагогический журнал, издавался с февраля 1913 по октябрь 1914 года в г.Казани на татарском языке 2 раза в месяц; вышло 25 номеров. Издатель и редактор – Ш. Ахмеров. Печатались А. Максудов, Г. Ибрагимов и другие.

11. Насыри (Насыров) Каюм (1725–1902) – ученый-просветитель, историк-этнограф, языковед, писатель. Заложил основы современного татарского языка, его научной терминологии. Труды по фонетике, грамматике и лексикографии («Образец», 1895; двязычные словари, первый толковый словарь татарского языка в 2-х томах, 1895–1896).

12. В 1924 году молодая Татарская республика, еще не оправившаяся от последствий гражданской войны, отмечала 100-летие со дня рождения выдающегося просветителя. В постановлении ТатЦИКа и Татсовнаркома по этому поводу творческое наследие Насыри было названо одним из самых дорогих сокровищ татарской общественной мысли.

13. Богатейшая библиотека Закира Шакирова (2000 томов), в которой хранились эти книги и многие редкие рукописи, была уничтожена при пожаре в 1932 году. В то время со своей семьей он проживал на съемной квартире из трех маленьких комнат по улице Казарменной (ныне улица Красина) между улицами Аксакова и Гоголя.

14. Катанов Н.Ф. (1862–1922) – тюрколог, этнограф, доктор сравнительного языкознания (1907), профессор Казанского университета (1894), действительный член Русского географического и Русского археологического обществ (1894). Участник и руководитель двух экспедиций в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии по исследованию западных башкирских диалектов, отчеты о которых были опубликованы в «Ученых записках Казанского университета» в 1898 и 1899 годах. Автор «Азбуки для башкирского языка» на основе русской графики» (1898).

15. Бахтияров Ахметвафа (1891–1960) – педагог, журналист. В 1907–1909 годах – издатель и редактор газеты «Аль-Ислах», с 1909 года – на педагогической работе в учебных заведениях Казани.

16. Амирхан Фатих (1826–1926) – писатель. В 1904–1906 годах преподавал в «Мухаммадии» географию и историю политических партий. В повести «Фатхулла хазрет» (1909), «Хаят» (1911), пьесах «Молодость» (1913), «Неравные» (1915), романе «На перепутье» (1912) отразил проблемы татарского общества начала XX века. В сатирической повести «Шафигулла-агай» (1926; опубликована в 1991) резко осудил большевистский догматизм и фанатизм. В 1984–1989 годах в свет вышли его «Сочинения» в 4-х томах.

17. Камал (Камалетдинов) Галиаскар (1879–1933) – драматург, общественный деятель, народный драматург ТАССР (1926), один из основоположников татарской литературы и театра. В 1900–1904 годах преподавал в «Мухаммадии» татарский язык. Пьесы дореволюционного периода содержали острую критику социальной действительности: «Несчастный юноша» (1908), «Первое представление» (1908), «Ради подарка» (1909), «Тайны нашего города» (1911), «Банкрот» (1911). Пьесы Камала составили основу репертуара татарского профессионального театра 1919–1930 годов. С 1931 года имя Камала носит Татарский академический театр.

18. Курбангалиев Мухитдин (1873–1941) – филолог, педагог, Герой Труда (1928), Заслуженный деятель науки ТАССР (1940). С 1903 года преподавал в учебных заведениях Казани, одновременно печатался в журналах «Мектеб» (с 1913) и «Магариф» (с 1918). С 1928 года – заведующий кафедрой татарского языка Казанского университета (с 1930 – профессор). Автор учебников, словарей, методических пособий по татарскому языку. Его «Татарский букварь» (1912) многократно переиздавался. Принял участие в систематизации литературных норм татарского языка и татарской орфографии.

19. Халиди Фатих (1850–1923) – писатель, просветитель, переводчик, один из зачинателей драматургического жанра в татарской литературе. Автор драмы «В ответ несчастной девушке» (1888), сборника новелл в 3-х частях «Тысяча и одна ночь. 1903–1904». Перевел с турецкого на татарский язык «Тысячу и одну ночь», вышедшую в Казани в 6-ти книгах (1897–1899).

20. Тентюрское медресе, организованное в деревне Тентюр Малмышского уезда Вятской губернии в начале XX века, имело большую библиотеку рукописных книг. Было закрыто после 1917 года. Среди мударисов – Н. Тентюри Динмухамметов (Ишми-ишан), непримиримый кадимист, открытый враг Г. Баруди, считавший, что звуковой метод обучения – это отрицание Корана, писавший доносы в царскую охранку, из-за которых арестовывались прогрессивные

татарские деятели и закрывались новометодные медресе (в частности, Буби). Был расстрелян большевиками в 1919 году.

21. Речь идет о революции 1905–1907 годов, до Февральской и Октябрьской революций 1917 года оставалось менее 9 лет.

22. Приведем лишь некоторые заголовки статей на это решение в тогдашних реакционных газетах: «Еврейский университет», «Гнездо польской крамолы в Москве, сердце России», «Оплот кадетской пропаганды» и др.

23. В 1918 году в связи с реорганизацией системы народного образования академическое отделение Университета Шанявского влилось в Московский университет, а научно-популярное в 1920 году объединилось с рабочим факультетом Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова. Коммунистическому университету передали и здание, в котором в дальнейшем расположилась Высшая партийная школа ВКП(б), позднее – КПСС. Сейчас, когда в стране произошла, в сущности, новая революция, идея народных университетов снова нашла своих сторонников: во многих городах создаются и открываются народные университеты с разными программами и принципами. В здании бывшего Университета Шанявского в настоящее время размещается Московский гуманитарный университет.

24. Губернское земство располагалось в Уфе в двухэтажном каменном здании, специально построенном для него на пересечении улиц Большой Ильинской (ныне Фрунзе) и Телеграфной (ныне Цюрупы). В 1919–1941 годах в нем находился наркомат земледелия БАССР, а затем разместился один из эвакуированных в город заводов (ныне – Уфимкабель). При реконструкции здания в 70-х годах XX века оно было сильно обезображено надстройкой 3-го этажа, сделанной для расширения производственных площадей.

25. Сайфи Казанлы (Сайфуллин) Фатих (1888–1937) – общественный деятель, педагог, писатель. В 1923–1929 годах – ответственный редактор газет «Красный Татарстан», «Крестьянская газета» и журнала «Яналиф», в 1930–1935 годах – на научно-педагогической работе в вузах Казани. Подготовил к изданию собрание сочинений Габдуллы Тукая (т.1–3, 1929–1931), Г. Камала (т.1,2, 1929–1930). Необоснованно репрессирован, реабилитирован (1956).

26. Ахтямов Хабибулла (1888–1938) – религиозный деятель, ахун, до конца 1918 года – член ЦДУМ Внутренней России и Сибири. После публичного отказа от религиозной деятельности и выхода из состава ЦДУМ (1927) – преподаватель Уфимского педтехникума. В 1936 году арестован «за связь с белоэмигрантской организацией» (поводом для обвинения послужило хранение им номера газеты,

изданной в Харбине и посвященной 1000-летию Ислама в Волжской Булгарии). Умер в заключении. Реабилитирован (1956).

27. Надиев Нурғали (1882–1940) – педагог. В 1904–1920 годах преподавал в русско-татарской школе, заведовал мусульманским педагогическим отделением губернского отдела народного образования, в 1920–1924 годах – директор Татарского института народного образования в Оренбурге. С 1925 года – в Казани, преподаватель татарского педагогического техникума, в 1927–1930 годах – заместитель председателя Академцентра Татнаркомпроса, затем в педагогическом институте, с 1937 года – в Татарском институте усовершенствования учителей. Труды по педагогике, методике преподавания арифметики.

28. Бадигов Ходжа (1887–1940) – педагог, языковед, фольклорист. Составитель сборников татарского фольклора (1914–1918), в 1918–1926 годах в Татарском педтехникуме и школах Казани, работал в Академцентре Татнаркомпроса. В 1926–1930 годах – в Ленинградском институте востоковедения АН СССР, с 1930 года – в Казанском пединституте, профессор (1938). Автор учебников по татарскому языку для школ и вузов. Репрессирован, реабилитирован (1956).

29. Искандеров Халим (1889–1958) – педагог, журналист. В 1912 году на педагогической работе в Троицке, затем в Томском педагогическом техникуме, в 1927–1929 – в татарской школе в Москве, в 1929–1934 в Коммунистическом университете трудящихся Востока (Москва), с 1941 – в Арском педагогическом училище, в Татарском институте усовершенствования учителей. Автор книги «Белем йорты» (Дом знаний), т.1–2, 1912–1913.

30. Султанғалиев Мирсаид (1822–1940) – политический и государственный деятель, уроженец Уфимской губернии. В 1918–1920 годах – председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоенморе РСФСР. В 1919–1921 – председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). В 1923 году выступил с идеей повышения статуса автономных республик и национальных областей до равноправных субъектов РСФСР, после чего был обвинен в «национал-уклонизме» и стал политическим изгоем. В 1926 году отверг предложение Сталина самокритично оценить свои прошлые ошибки и как блестящему и популярному в прошлом политику, разоблачить в «Правде» Зиновьева, Каменева и Троцкого, представив их гонителями национальных кадров и фальсификаторами ленинского наследия по национальному вопросу. В 1934 году арестован и сослан на Соловки, затем освобожден, но в 1937 году снова арестован, подвергнут жес-

точайшим физическим пыткам и в январе 1940 года расстрелян. Посмертно реабилитирован (1989).

31. Ибрагимов Галимджан (1887–1938) – татарский писатель, ученый, публицист, общественный деятель, Герой труда (1928). Один из организаторов и руководителей партии татаро-башкирских мусульманских левых эсеров, депутат Миллэт Меджлиси (1917–1918), редактор газеты «Ирек» (Свобода), издававшейся в 1917 году в Уфе на татарском языке. В 1919–1920 годах – член Центральной мусульманской военной коллегии, с 1920 – в аппарате Наркомпроса Татарии, в 1925–1927 – председатель Академцентра ТАССР, член ВЦИК РСФСР, президиума ЦИК ТАССР. Автор романа «Наши дни» (1920, 2-е изд., 1934) об участии татарской интеллигенции в революции 1905–1907 годов, «Глубокие корни» (1926–1928) и др. Труды по истории филологии и лингвистике: «Татарская грамматика» (1911), «Теория литературы» (1916), «Методика преподавания родного языка» (1918) и др. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

32. Сунчалаяев Сагит (1889–1937), педагог, поэт, общественный деятель. Друг и продолжатель поэтических традиций Габдуллы Тукая. Автор «Революционных стихов» (Уфа, 1918). В 1919–1922 годах – представитель Наркомнаца РСФСР в Крыму, в 1922–1926 годах – в Наркомате просвещения БАССР, заведующий сначала Академцентром, а затем Художественным музеем. В 1926 году вызван в Москву для работы в Наркомате иностранных дел, работал переводчиком советского генконсульства в Сирии и Турции. За тесную связь с М. Султангалиевым репрессирован, реабилитирован (1989).

33. Терегулов Гумер (1888–1938), педагог, политический деятель. В 1911–1917 годах служил в Уфимском земстве, член Уфимского комитета по распространению идей гражданственности среди мусульман (1917), член Исполкома Милли Шура Уфимской губернии, депутат Миллэт Меджлиси (1912–1918). С 1918 года – член Комуча, с 1919 года – в эмиграции. Умер в Турции.

34. Через год, в 1918 году, вышло 2-е издание «Географии Уфимской губернии» З. Шакирова, получившее название «Географический очерк Уфимской губернии».

35. Боднарский Б.С. (1874–1968) – русский и советский библиограф, с 1909 года – член Русского библиографического общества при Московском университете (с 1910 – секретарь, в 1920–1929 – председатель). Бессменный редактор «Библиографических известий» (1918–1927), публиковавших статьи по книговедению, научной библиографии и библиотековедению. Первый директор Российской книжной палаты (1920–1921), основной труд «Библиография русской библиографии» (т.1–4, 1918–1930).

36. Кондаков Вадим Александрович (1886–1959) – педагог, активный деятель Уфимского учительского союза. После окончания гражданской войны – в Западной Сибири, на Алтае, затем вернулся на Урал. Редактировал педагогические журналы «На третьем фронте» (Пермь, 1923-1924) и «Уральский учитель» (Свердловск, 1925–1927), заведовал кафедрами Пермского (1932-1937) и Казанского (с 1947) педагогических институтов. Чл.-корр. АПН РСФСР (1945).

37. «Галия» (от араб. «высшая») – медресе в Уфе, основанное в 1906 году, беспрерывно возглавлялось Зыя Камали (Камалетдиновым), в 1904–1905 годах преподавателем Уфимской «Усмании». Срок обучения 6 лет, наряду с татарами и башкирами обучались казахи, киргизы, узбеки и представители других мусульманских народов Российской империи. Образование в медресе получили свыше 1400 человек, среди которых были М. Гафури, С. Габяши, Ш. Бабич, Г. Амиров, Г. Ибрагимов (в 1915–1917 преподаватель там же), Г. Нигмати, С. Кудаш и др. Закрыто в 1920 году.

38. При обсуждении этого вопроса на 55-й чрезвычайной сессии Уфимского губернского земского собрания было вынесено также постановление об открытии в Уфе за счет Земства женской учительской семинарии, а в Белебее и Стерлитамаке – учительских семинарий для подготовки кадров из инородческого населения. Все эти планы через три месяца были перечеркнуты Октябрьской революцией 1917 года и последовавшей затем гражданской войной.

39. Педагогические курсы не прекращали свою работу и тогда, когда Уфа несколько раз переходила из рук красных в руки белых и наоборот (4 июля – 30 декабря 1918 года, 13 марта – 8 июня 1919 года).

40. В данном случае Закир Шакиров представлял инородческий отдел Уфимского губернского земства, всегда заинтересованного в организации специального учебного заведения (типа гимназии) для детей татарского и башкирского населения. Идея организации национальной гимназии поддерживалась и местным мусульманским духовенством, которое, в частности, в лице имама-хатыба I Соборной мечети Уфы Ж. Абызгильдина, с 1907 года стоявшего во главе одного из старейших медресе «Усмания» (основано в 1887 году), неоднократно пыталось реформировать его в такого рода учебное заведение.

41. Через два года, уже после окончательного установления Советской власти в Уфе в части помещений бывшего медресе «Усмания» для детей-сирот, потерявших своих родителей в годы гражданской войны, была организована специальная татаро-башкирская школа. Она получила имя революционера-большевика Хусаина Ямашева (1882–1912), директором стал сначала И. Ишмухаметов, а

затем К. Ибрагимов. По-прежнему размещавшиеся в помещениях «Усмании» 4-ая татаро-башкирская школа II ступени и 16-ая татаро-башкирская школа I ступени (обеими заведовал Закир Шакиров) с сентября 1923 года были переведены в двухэтажное каменное здание по улице Малой Казанской (ныне Свердлова), 10. Позже обе эти школы были объединены в Единую трудовую школу № 2 (заведующий З. Шакиров), находившуюся в этом здании до 1986 года. После реконструкции здание передали Уфимскому хореографическому училищу имени Рудольфа Нуриева.

42. Закир Шакиров долгие годы состоял с В.А. Кондаковым в личной переписке. Сохранилось письмо, в котором Закир Шакиров, отвечая на приглашение приехать в Казань на 70-летний юбилей В.А. Кондакова, пишет (в 1956 году): *«... Я всегда помню Вас и каждое известие напоминает все то далекое, но очень дорогое, что связывает меня с Вами в прошлом. Я до сих пор, дорогой Вадим Александрович, не могу пройти мимо того дома, где жили Вы: этот дом постоянное живое воспоминание о живом человеке, которого я уважал всю свою жизнь... Годы бегут, и мне в этом году будет 75 лет. Обнимаю, целую. Ваш Закир Шакиров».*

В.А. Кондаков проживал в Уфе по улице Центральной (ныне Ленина), 19. Этот одноэтажный кирпичный дом сохранился до настоящего времени.

43. Гурвич Н.А. (1828–1914), врач, экономист, историк. Действительный статский советник (1886), действительный Член Императорского Русского географического общества (1887). Окончил классическую гимназию в Германии (1846), медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (1852). В Уфе с 1853 года, сначала медик Оренбургской удельной конторы, в 1864–1891 годах секретарь Уфимского статистического комитета. Автор «Сборника статистических, исторических и археографических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губернии» (1868), редактор «Списков населенных мест Уфимской губернии», нескольких «Памятных книг» и «Адресов-календарей», редактор неофициальной части газеты «Уфимские губернские ведомости». Один из инициаторов открытия Уфимского губернского музея (1864), первой бесплатной лечебницы (1870), первой государственной библиотеки с бесплатной читальней, один из создателей Общества врачей Уфимской губернии (1882).

44. Черданцев А.А. (1871–1943), краевед, управляющий одной из уфимских аптек, первый башкирский библиограф. Окончил фармацевтическое отделение Московского университета (1899), с 1900 года – член Уральского общества любителей естествознания, автор «Каталога по нумизматике» этого общества (1908–1911), обширного

гербария растений Урала. В Уфе с 1915 года, сначала управляющий аптекой, в 1917–1919 годах – председатель Комитета Уфимского губернского музея, в 1921–1925 годах – заведующий Уфимским художественным музеем, в 1932–1942 годах – научный сотрудник Книжной палаты БАССР. Положил начало библиографическому описанию Башкирии.

45. Гордлевский В.А. (1876–1956), востоковед-тюрколог, академик АН СССР (1946). Окончил Лазаревский институт восточных языков (1899), Московский университет (1904). С 1904 до весны 1917 – преподаватель Лазаревского института (реорганизованного в советское время в Московский институт Востоковедения), с марта по декабрь 1917 года – попечитель Оренбургского учебного округа (Уфа), в 1918–1948 годах – профессор Института Востоковедения. Автор «Грамматики турецкого языка» (1928), редактор первого «Турецко-русского словаря» (1931), монографий «Государство Сельджуков Малой Азии» (1941) и других книг по истории Ближнего и Дальнего Востока. Был награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

46. Татарин Д.И. (1877–1956), врач-терапевт, доктор медицинских наук (1936), профессор (1939). Окончил медицинский факультет Московского университета, в Уфе с 1914 года; до 1918 – заведующий госпиталем Всероссийского земского союза; в 1918–1920 годах – в Томске, затем снова в Уфе. Один из организаторов Башкирского медицинского института, заведующий кафедрой, специалист в изучении заболеваний желудочно-кишечного тракта, ревматизма, порока сердца, сепсиса. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1944).

47. До Октябрьской революции 1917 года кроме Губернского музея имелись небольшие уездные музеи в Белебее, Мензелинске, Златоусте и Стерлитамаке.

48. Вильданов Г.Ф. (1880–1954), башкирский этнограф, лингвист, фольклорист. Окончил медресе Галикеева в Сеитовской слободе Оренбургской губернии (1899), Казанскую татарскую учительскую школу (1912), работал преподавателем и библиотекарем, с 1920 – сотрудником музея Народов Востока, в 1919–1921 годах – член переводческой секции литературно-издательской комиссии при Губкоме РКП(б), инспектор Американской административной помощи голодающим районам Башкирии (1921–1923), член Академцентра Башнаркомпресса, редактор журнала «Белем» (Знание). Репрессирован (1936), реабилитирован (1989).

49. Девлеткильдеев К.С. (1887–1947) – один из основоположников изобразительного искусства Башкирии, первый профессиональный художник из башкир. В 1914 году окончил Центральное ху-

дожественно-промышленное училище барона Штиглица в Санкт-Петербурге (в советское время – Высшее художественное училище имени В.И. Мухиной), в 1916–1918 годах – вольнослушатель Санкт-Петербургской Академии художеств. С 1917 года в Уфе, член Уфимского художественного кружка, преподаватель изостудии при железнодорожных мастерских (1918), Уфимского техникума искусств (1930–1935). В 1928–1935 годах совершил ряд экспедиций в юго-восточную Башкирию для сбора этнографического материала и образцов декоративно-прикладного искусства для Художественного музея имени М.В. Нестерова Участник выставок Ассоциации художников Революционной России (1926, 1928), Всероссийских (с 1917) и зарубежных (1928, Сан-Диего, США) выставок.

50. Алпаров Г.Х. (1901–1964) – деятель революционного движения, обучался в медресе «Усмания» (1909), окончил Коммунистический университет трудящихся Востока (1930), в 1918 – член Временного Революционного комитета Башкортостана.

51. В дальнейшем судьба этого музея была связана с именами А.А. Черданцева (заведующий с 1 октября 1921 года) и Н.Н. Колесницкого (заведующий с февраля 1922 года). Тогда же вышло постановление БашЦИКа об организации при музее Южного Приуралья Научного общества по изучению Башкирии. Официальное открытие музея Южного Приуралья состоялось 30 июля 1922 года, и уже до конца этого года его экспозиции осмотрели 2 159 человек. В декабре 1923 года музей открылся снова, но уже как «Центральный музей Автономной Башкирской Социалистической Республики», а еще через три года он переехал в здание бывшего дома купца Чижова по улице Большой Казанской, 10. В начале лета 1941 года музей был законсервирован, потерял более половины своих экспонатов и открылся лишь в 1947 году. В 1991 году музей переехал в новое здание (бывшего Обкома КПСС по улице Советской, 14) и стал Национальным музеем Республики Башкортостан.

52. Руденко С.И. (1885–1969) – советский этнограф, антрополог, археолог. Еще в студенческие годы начал работать по этнографии башкир. В декабре 1917 года защитил магистерскую диссертацию «Башкиры. Опыт этнологической монографии», первая часть которой была опубликована в 1916 году, а вторая – в 1925 году. В 1919–1921 годах работал в Томском университете, с 1921 года – профессор кафедры антропологии Петроградского университета, заведующий этнографическим отделом Русского музея. В 1929 году начал раскопки знаменитых Пазырыкских курганов на Алтае, с 1928 года – руководитель Башкирской комплексной экспедиции АН СССР. В августе 1930 года был арестован в Уфе и подключен к сфабрикованному ОГПУ по указанию Политбюро РКП(б) «делу Ака-

демии наук» (...вступив в организацию «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», занимался систематической пропагандой идей организации, содержащих призыв к свержению Советской власти путем вооруженного восстания и иностранной интервенции, установлению конституционно-монархического правления»). Был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, отбывал заключение в Беломорбалтлаге, где работал инженером-гидрологом. Досрочно освобожден в 1934 году, но остался вольнонаемным. За работу, посвященную изучению испарения с водной поверхности, в 1945 году ему была присуждена ученая степень доктора технических наук. С 1945 года вел раскопки на Чукотке. С 1947 года возобновил исследования древней культуры Горного Алтая. В 1965 году удостоен золотой медали имени П.П. Семенова-Тян-Шанского Всесоюзного географического общества. В 1957 году полностью реабилитирован.

53. Дмитриев Н.К. (1898–1954) – советский языковед, филолог-тюрколог, чл.-корр. АН СССР (1954), действительный член АПН РСФСР (1945), доктор филологических наук (1938), профессор (1930).

Еще в 1927 году опубликовал во французском журнале (*Jornal Asiatique*. 1927, № 2, p.193–252) работу «Этюды о фонетике башкирского языка», в которой предложил тюркологам общую характеристику башкирского языка и дал первое полное описание системы башкирской фонетики, во многом резко отличающуюся от фонетики остальных тюркских народов (в том числе и фонетики татарского языка). В 1928 году выступил в печати (журнал «Белем», 1928, №7–8, с.86–90; с.64–67) с обстоятельной программой по научному изучению башкирского языка и, начиная с этого времени, до конца своей жизни отдал много труда и времени ее осуществлению. Эти работы были положены в основу характеристики башкирской фонетики, разработанной им впоследствии в «Грамматике башкирского языка» (М.–Л.: 1948; Уфа, 1950, башк.яз.). Был редактором нескольких изданий «Башкирских народных сказок» (Уфа: 1941; М.–Л.: 1947, 1949, 1953), учебного «Русско-башкирского словаря» (Уфа:1942) и двух первых сравнительно полных «Русско-башкирских словарей» (М.: 1948, 1954)

54. Башкирский комплексный научно-исследовательский институт (БКНИИ) был организован в марте 1930 года при Башсовнаркоме для исследований практического характера в области промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и культуры. В дальнейшем из отделов БКНИИ выделились несколько отраслевых институтов (педагогика, национальной культуры, земледелия, экономики, промышленности строительных материалов и др.).

З.Ш. Шакиров работал по совместительству в БКНИИ и выделившемся из него с 1 января 1932 года БНИИ национальной культуры, правопреемником которого стал Институт истории, языка и литературы нынешнего УНЦ РАН.

55. Впервые стихотворение Акмуллы «Башкиры мои, ученье нужно!» было опубликовано в 1965 году в монографии известного башкирского литературоведа А.И. Харисова «Литературное наследие башкирского народа» (1963, башк. яз.; 1973, русск. яз.; 2007, 2-е изд.).

Много лет спустя это стихотворение М. Акмуллы, без 3-ей строфы, было записано от жителя села Азнаш (Учалинский р-н БАССР) М. Кутлугалямовым и опубликовано им 16 июня 1965 года в газете «Совет Башкортостаны». В последующем стали известны записи и других вариантов стихотворения. Однако вариант, обнаруженный З. Шакировым еще в 1931 году, до сих пор остается наиболее полным.

56. В этом отношении показателен тот факт, что даже в постановлениях Первой Башкирской конференции Комитета нового башкирского алфавита, изданных еще на арабском шрифте (Уфа, 1928), в докладе, посвященном общим правилам орфографии при новом алфавите, говорилось: *«Слова башкирского языка пишутся так, как они воспринимаются на слух при их произнесении – без каких-либо добавлений и сокращений»* [29]. Приведенная цитата дает представление о том, в каком зачаточном состоянии находилась разработка языковых вопросов в Башкирии даже в конце 1928 года.

57. В составе Академцентра Башкиркомпроса, учрежденного 4 сентября 1922 года как местное отделение Академцентра Наркомпроса РСФСР, уже в 1925 году функционировали: научно-методический совет, терминологическая комиссия, центральное бюро краеведения, издательство, а также Общество по изучению Башкирии и секция музеев. Именно Академцентр выступил организатором разработки первого башкирского алфавита (1923), грамматики башкирского языка, научной терминологии, руководил созданием и выпуском учебников и пособий на башкирском, татарском и русском языках; издавал журнал «Белем» (Знание), альманах «Башкорт аймагы» (Башкирский край), «Башкирский краеведческий сборник».

С Академцентром была связана деятельность Г. Алпарова, Г. Вильданова, Х. Габитова, Г. Давлетшина, Н. Исанбета, Ш. Манатова (председатель в 1924), С. Рамиева, С. Сунчелея (председатель в 1922–1923), Ш. Сунчелея (председатель в 1925–1928), З. Шакирова и др. Академцентр был упразднен в середине 1930 года в связи с реорганизацией Наркомпроса РСФСР.

58. С 1922 по 1954 год Терминологическая комиссия существовала при Народном комиссариате просвещения БАССР, с 1954 года – при Президиуме Верховного совета БАССР, с 1994 года работает при Президенте РБ.

59. Стенограммы лекций Н.К. Дмитриева, прочитанные в Уфе для башкирских лингвистов в декабре 1936 – октябре 1937 годов и в 1940 году, хранятся в Научном архиве УНЦ РАН [31].

60. Тычина П.Г. (1891–1967) – украинский поэт, академик АН УССР (1925), в 1941–1943 годах в составе Украинской Академии наук находился в эвакуации в Уфе.

61. В письме от 12 октября 1942 года своему другу, языковеду-слависту, академику РАН Б.М. Ляпунову Н.К. Дмитриев писал: *«Я в Москве с начала войны, работаю безвыездно в Институте языкознания и письменности Академии, где заведу тюркским сектором...»*

62. Речь идет о подготовке к печати «Русско-башкирского словаря» (40 тыс. слов) под редакцией Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова и Т.Г. Баишева. По причинам военного времени он был издан в Москве только в 1948 году. Для этого словаря Н.К. Дмитриев написал «Предисловие» (С.5–9) и «Краткий очерк башкирской грамматики» (С.907–958).

63. Усманов А.Н. (1910–1982) – историк, писатель; в 1941–1943 годах – секретарь Башкирского обкома ВКП(б), в 1943–1951 годах – директор Башкирского НИИ языка и литературы.

64. Речь идет об О.И. Шацкой – научном сотруднике Ленинградского университета, руководившей в 1928 году работой той диалектологической группы подотряда Н.К. Дмитриева, в состав которой входил З.Ш. Шакиров.

65. Крачковский И.Ю. (1883–1951) – востоковед-арабист, академик РАН (1921), АН СССР (1925). С середины декабря 1941 года выполнял обязанности руководителя ленинградских учреждений АН СССР, работавших в условиях блокады города.

66. С 10 по 15 сентября 1945 года З.Ш. Шакиров принял участие в работе научной сессии Академии педагогических наук РСФСР в Москве, на которой обсуждались вопросы состояния и очередные задачи советской педагогики.

67. Речь идет о Л.З. Шакировой (род.1921), дочери З.Ш. Шакирова, в то время аспирантке при Академии педагогических наук РСФСР. В 1948–1994 годах она работала в Казанском пединституте, в 1960–1963 годах была заведующей Татарским филиалом Института национальных школ АПН РСФСР. Доктор педагогических наук (1974), профессор (1975), заслуженный деятель науки ТАССР, РСФСР (1976, 1981). В настоящее время – на заслуженном отдыхе.

68. Выше уже говорилось, что рукопись «Грамматики башкирского языка» погибла в типографии издательства АН СССР в первые дни бомбежки Ленинграда. По оставшимся черновикам Н.К. Дмитриеву удалось восстановить текст рукописи только к концу 1945 года. Переводить ее на башкирский язык было предложено А.И. Харисову.

Харисов А.И. (1914 –1977) – башкирской литературовед и писатель, в 1941–1942 и 1948–1951 годах – научный сотрудник НИИ истории, языка и литературы (Уфа), в 1951–1964 годах – заместитель директора этого института.

69. В 1909 года в Уфе для подготовки преподавателей русских высших начальных училищ был создан Учительский институт. В конце 1919 года по постановлению коллегии Уфимского ГубОНО он был преобразован в Уфимский институт народного образования, который начал функционировать с 20 января 1920 года в составе I и II курсов биолого-географического и социально-экономического циклов. В марте 1928 года, в связи с 10-летием Советской Башкирии, Уфимский ИНО был реорганизован в Башгоспединститут, на базе которого в 1957 году открылся Башкирский государственный университет имени 40-летия Октября.

70. Башкирский медицинский институт (с 1995 – Башкирский государственный медицинский университет) открылся в Уфе 15 ноября 1932 года.

71. Герой труда – почетное звание, введенное постановлением ЦИК и СНК СССР 27 июля 1927 года за особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы при стаже работы в качестве рабочего или служащего, как правило, не менее 35 лет. В связи с Указом Верховного Совета СССР (от 27 декабря 1938 года) «Об установлении высшей степени отличия – звания Героя Социалистического Труда» присвоения звания «Герой Труда» были прекращены.

Сноски

---

1. Галлямов А., Яйкбаев К., Закир Шакирович Шакиров (рукопись). 1981 (храненится в личном архиве семьи Шакировых).
2. Шакирова Л.З. Светлая судьба (З. Шакиров: библиографический очерк о жизни и научно-педагогической деятельности). – Казань: Магариф, 1996.
3. Шакиров Р.М. Линия жизни: 1850–2000. Служение отечеству. – М.: Воскресенье. 2000.
4. Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань: Изд. Импер.ун.-та. 1916.
5. Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / под ред. С.М. Прохорова. – Т.1. – М.: Вост. лит-ра, 2000.
6. Юсупов М.Х. Галимджан Баруди. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. – С.155–181.
7. Валидов Дж. Очерки истории образованности и литературы поволжских татар до революции 1917 года / под ред. П. Радимова, Г. Шарафа. – М. – Птр.: 1923. – С.87–92.
8. Шакиров З.Ш. Автобиография. Научный архив УНЦ РАН, Ф.З, оп.4, дело 17.
9. ЦГИА РБ. Ф. Р-802, оп. 9, дело 273, л.л. 3–15.
10. Шакиров З. Мои воспоминания о Тукае // Октябрь. – 1946. – № 3–4. – С.48–50 (башк.яз.).
11. Шакиров З. Мои воспоминания о великом поэте // Совет мектебе. – 1966. – № 7. – С.37–38 (татар.яз.).
12. Шакиров З. Краткий учебник географии с иллюстрациями. – Казань, 1909; 1914 – 2-е изд. (татар.яз.).
13. Магариф. – 1923. – № 2. – С.92–93 (татар.яз.).

14. Сперанский Н.В. Возникновение Московского городского народного университета им.А.Л. Шанявского. Историческая справка. – М., 1913.

15. Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского. Текст закона со стенографическим отчетом Госдумы и биографией А.Л. Шанявского. – М.: Изд. Тосс, 1908.

16. Протоколы и доклады совещания учителей и мугаллимов, состоявшегося при Уфимской губернской земской управе от 20-го до 27-го июля 1915 года для просмотра учебников, употребляемых в начальных инородческих школах. – Уфа: Вост.печать, 1916.

17. Устав трехгодичных педагогических курсов Уфимского земства, утвержденный 19 июня 1915 года. – Уфа: Изд. Губ. Земства, 1916.

18. Сборник материалов Уфимского губернского земского собрания 53, 54 и 55 чрезвычайных сессий (3 декабря 1916, 10 марта и 17 июля 1917 года). – Уфа: Изд. Губ. земства, 1917. – С.15–23, 42–55.

19. Данные о прохождении службы З.Ш. Шакировым (личный архив семьи Шакировых).

20. «Трудовой список» З.Ш. Шакирова (личный архив семьи Шакировых).

21. Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. – М.: Наука, 2001.

22. Отчет о командировках и экспедициях Академии наук СССР в 1928 году в Башкирскую АССР. – Л.: Изд. АН СССР, 1928. – С.145–174.

23. Дмитриев Н.К. Краткий отчет о работе лингво-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР в 1928 году // Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения. – 1928. – №3. – С.9–12.

24. Шакиров З.Ш. Краткий отчет отряда, посланного летом 1929 года Обществом по изучению Башкирии для наблюдения над языком и фольклором в Аргаяшском кантоне // Белем. – 1930. – №2. – С.47–57 (башк.яз.).

25. Шакиров З.Ш. Краткий отчет по изучению говоров и фольклора Аргаяшского кантона летом 1929 года // Краеведческий сборник (Уфа). – 1930. – № 3–4. – С.113–119.

26. Шакиров З.Ш. Материалы по изучению страны. Из отчета отряда, посланного в июне 1931 года Научно-исследовательским институтом по изучению языка и культуры в Ялан-Катайский район Урала и Аргаяшский район Башкирской республики // Культурная революция (Уфа). – 1931. – № 2–3. – С.23–29 (башк. яз.).

27. Научный архив УНЦ РАН. Ф.3, оп.2, дело 645, л.л.1–5.

28. Дмитриев Н.К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1955.

29. Материалы и постановления Первой Башкирской конференции яналифа / сост. Р. Магазов ; под ред. Х. Абдрашитова. – Уфа, 1928. – С.28–33.

30. Шакиров З.Ш. По поводу Тюркологического съезда // Башкирский краеведческий сборник (Уфа). – 1926. – № 1. – С.57–58.

31. Научный архив УНЦ РАН. Ф.3, оп.2, дело 58, л.л. 1–279.

32. Закир Шакиров (в связи с 25-летним юбилеем) // Белем. – 1927. – №12. – С.67–71 (башк. яз.).

33. На фронте просвещения 25 лет (в связи с 25-летним трудовым юбилеем старейшего педагога Закира Шакирова) // Башкортостан. – 1927, 24 сентября (башк. яз.).

34. Активисты общества по изучению Башкирии // Башкорт Аймагы. – 1928. – № 5. – С.10–11 (башк. яз.).

35. Один из старейших наших педагогов // Сб. «X лет на фронте просвещения». – Уфа, 1929. – С.8 (башк. яз.).

36. Красная Башкирия, 1944, 22 марта.

37. Красная Башкирия, 1944, 24 марта.

38. Советская Башкирия, 1951.

39. Советская Башкирия, 1968, 4 декабря.

40. З.Ш. Шакиров (некролог) // Агидель. – 1969. – №1. – С.128 (башк. яз.).

41. Кызыл Тан, 8 декабря 1969 (некролог), (татар. яз.).

42. Ураксин Г.З. З.Ш. Шакиров и башкирское языкознание // Учитель Башкирии. – 1981. – № 11. – С.37–38 (башк. яз.).

43. Зайнуллин М. Славный сын нашего народа // Учитель Башкирии. – 1981. – № 1. – С.35–36.

44. Галлямов А., Яйкбаев К. Народный учитель. В связи со 100-летием со дня рождения Закира Шакирова // Агидель. – 1981. – №11. – С.109–114 (башк. яз.).

45. Ибрагимов Ф. Известный педагог и ученый // Совет мектебе. – 1981. – №11. – С.14–15 (тат. яз.).

46. Ураксин Г.З., Усманов Х. Педагог, просветитель, ученый: к 100-летию со дня рождения З.Ш. Шакирова // Советская Башкирия. – 1981, 17 ноября.

Галима Ханум, мать З. Шакирова. Карачай-Елга, начало XX века

Братья Закира Шакирова: Камал (впереди); Ханиф, Ахнаф, Гасим, Хафас (справа налево). Карачай-Елга. Фото 1909г.

Восемь братьев и сестра З. Шакирова, Закир – во втором ряду второй справа. Карачай-Елга. Фото начала XX века

Братья Шакировы: Карам, Закир, Сугут (сидят); Гасим, Ханиф (стоят). Казань. Фото 1910г.

Закир Шакиров – шакирд «Мухаммадии». Казань. Фото 1904г.

Медресе «Мухаммадия». Казань. Фото 1907г.

Закир Шакиров среди шакирдов «Мухаммадии». Фото 1906г.

**Закир Шакиров – автор учебника «Иллюстрированная география».
Казань. Фото 1909г.**

Гостиница «Булгар», в которой проживали Габдулла Тукай и Закир Шакиров, а также располагались редакция журнала «Аль-Ислах» и Восточный клуб «Шарык»

Преподаватели медресе «Мухамаддия». В центре Г. Баруди (в белом чапане); З. Шакиров – четвертый слева, во втором ряду. Казань. Фото 1910г.

Таким был Габдулла Тукай, когда с ним познакомился Закир Шакиров. Казань. Фото 1910г.

Приезжая в Казань, З. Шакиров любил приходить к памятнику Габдулле Тукаю. Фото 1961г.

Вход в здание «Мухаммадии». Современный вид. Фото 2005г.

Памятная доска у входа в «Мухаммадию», свидетельствующая о том, что в 1905–1906 гг.здесь учился Мажит Гафури. Фото 2005г.

Здание Московского городского университета им. Шанявского (Миусская улица, дом 6)¹. Москва. Фото 1912г.

Здание Уфимской губернской земской управы, в которой З. Шакиров работал в 1915–1917 годах. Уфа. Фото 1914г.

---

¹ Историко-философское отделение, на котором учился З. Шакиров, находилось на 3 этаже.

Протоколы и доклады Совещания учителей и мугаллимов, созванного Уфимской губернской управой летом 1915 года, на котором в качестве пособия рекомендовалось использовать «Иллюстрированную географию» З.Шакирова

Титульный лист «Великого обновления российского государственного строя и общественной жизни» З. Шакирова, вышедшего в Уфе в 1916 году

«Географический очерк Уфимской губернии» З. Шакирова. Уфа, 1917г.

اوقا تانار گېمنازىيەسى

گېمنازىيەنىڭ خاتىرلىك ھەم ئىلمى بىر ئىش ۋاھكىچىسى
مىتقلازىت كىرور ئىچوز

پىروغرامما.

اوقا تانار گېمنازىيەسى

1917 يىلى

Программа для поступающих в 1 и 2 классы Уфимской татаро-башкирской гимназии, составленная З. Шакировым в 1917 году

Закир Шакиров среди преподавателей и учащихся Уфимской татаро-башкирской гимназии. Уфа, 1918г.

Здание медресе «Усмания» по ул. Фроловской, 35/37, часть которого занимала частная Уфимская татарская гимназия, реорганизованная в 1919 году в две татаро-башкирские школы (4-ая II ступени и 16-ая I ступени). Заведующим обеими школами был З. Шакиров. Фото 1906г.

**Здание Уфимского губернского музея,
официально открытого 10 июля 1886г. Фото начала XX века**

**В этом здании бывшей гостиницы «Метрополь» по улице Центральной
(ныне Ленина), 10 располагался Историко-социальный музей
Народов Востока, которым с октября 1919 по ноябрь 1921 года заведовал
З. Шакиров**

З.Ш. Шакиров – заведующий Уфимским Историко-социальным музеем Народов Востока. Рядом с ним (сидят): И.Е. Бондаренко – первый директор Уфимского художественного Пролетарского музея, Н.И. Колесницкий. Во втором ряду справа стоит А.А. Черданцев, директор этого музея в 1921–1925 годах. Фото начала 20-х годов XX века

Закир Шакиров с первенцем – Рифхатом. Уфа. Фото 1918г.

Здание по ул. Малой Казанской (ныне Свердлова), 10, в которое в сентябре 1925года были переведены 4-ая (II ступени) и 16-ая (I ступени) татаро-башкирские школы, впоследствии объединенные в Единую трудовую школу №2 г. Уфы (заведующий – З.Ш. Шакиров)

**В часы отдыха с детьми: дочери Лии 2 года, сыну Мидхату 7 лет.
Уфа, 1925г.**

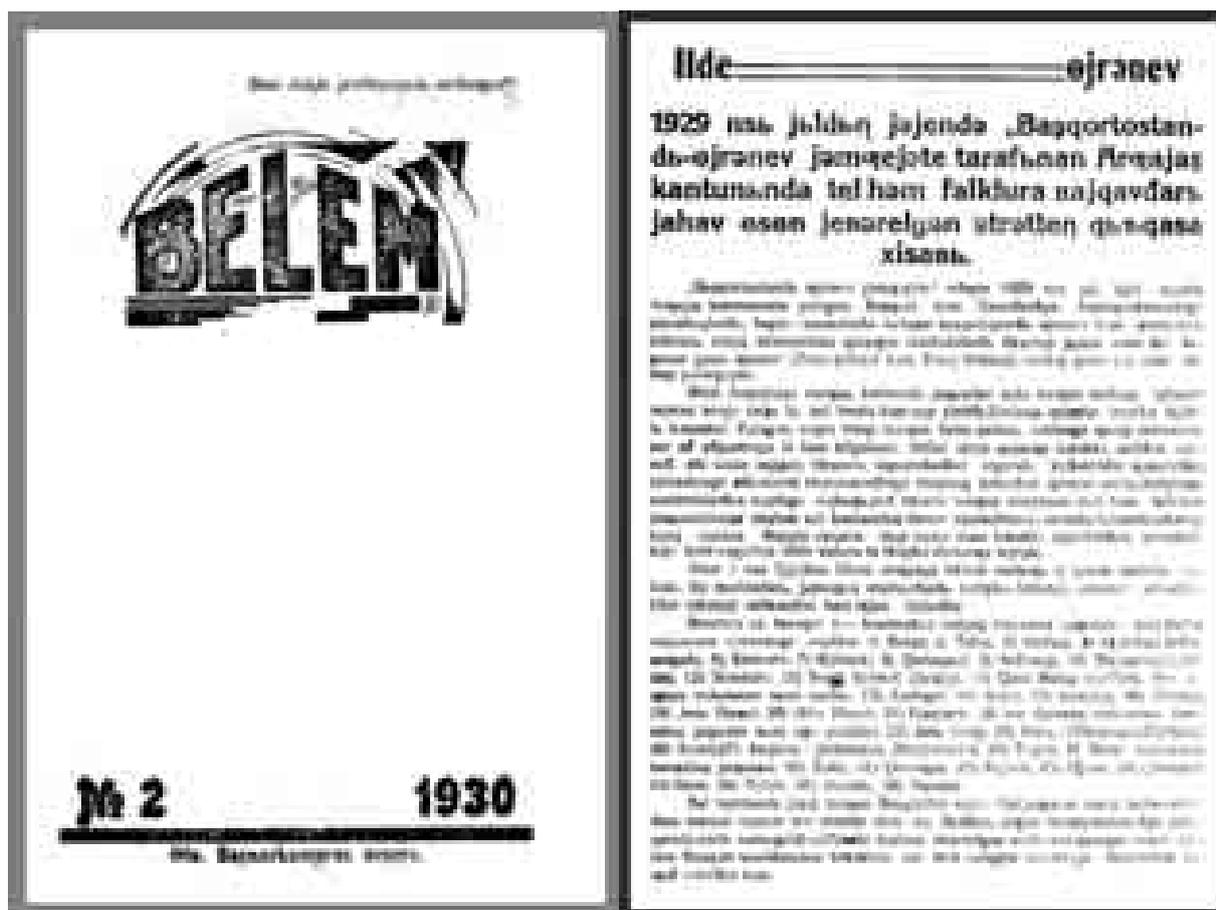
3. Шакиров – автор большого числа учебников и учебных пособий

**Семья З.Ш. Шакирова: супруга Гафифа Якуповна,
дочь Лия и сын Мидхат. Уфа, 1928г.**

А.А. Черданцев, З.Ш. Шакиров, Н.К. Дмитриев. Фото 1941г.
 Фото публикуется впервые: ранее публиковалась только правая часть
 (без А.А. Черданцева), неверно датируемая 1928 годом

Первая страница «Краткого отчета отряда, посланного летом 1929года
 Обществом по изучению Башкирии для наблюдения за языком
 в Аргаяшском кантоне» (Белем, 1930, №2. – С.47–57)

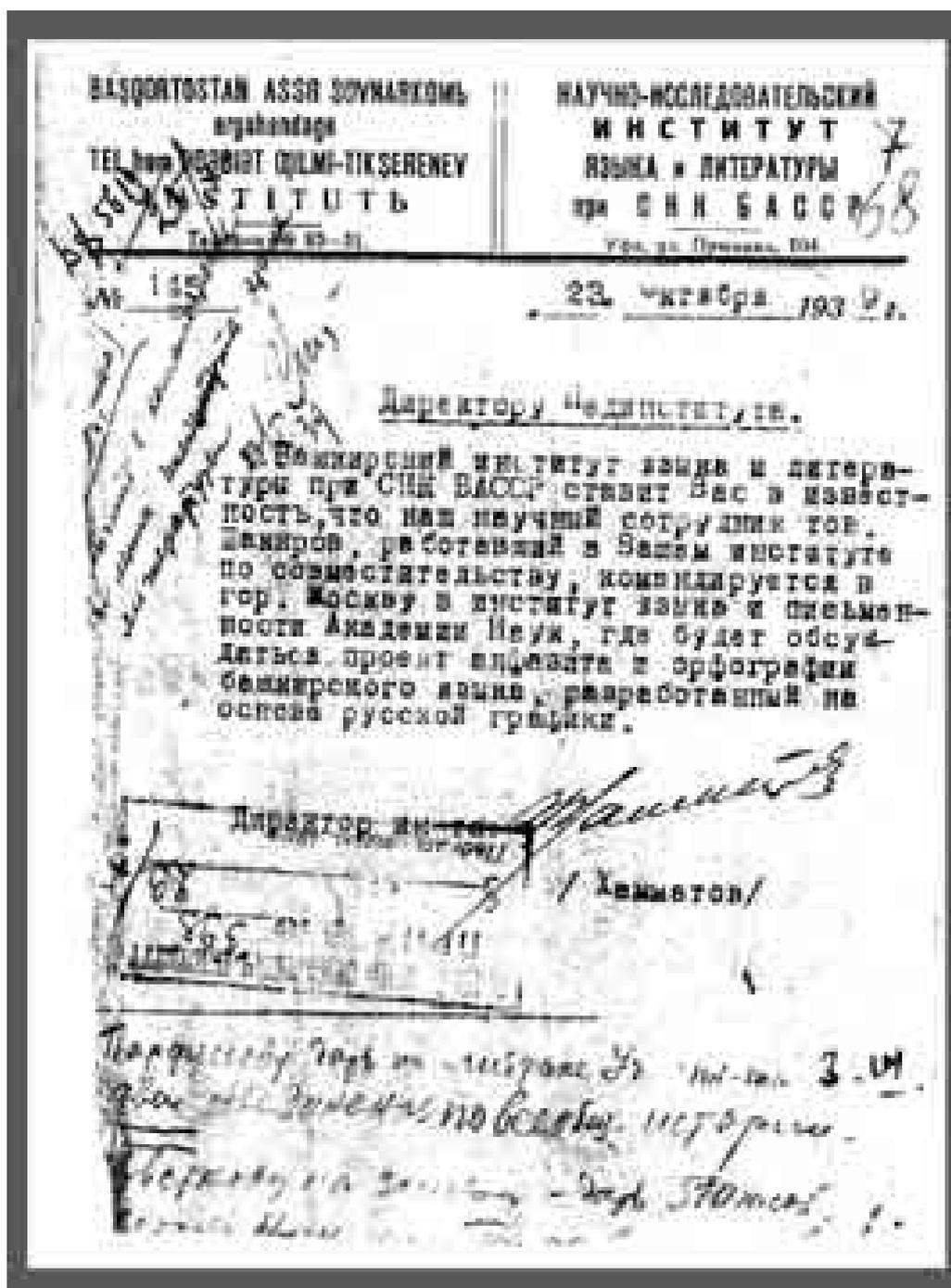

Здание БГПИ по ул. Егора Сазонова (ныне Коммунистическая), 23, в котором З.Ш. Шакиров начал работать в 1929 году. Фото 1930г.

То же здание после надстройки в 1935–1937 гг.

Копия командировочного удостоверения З.Ш. Шакирова в Москву от НИИ языка и литературы при Башсовнаркомѐ. 1939г.

Один из уроков башкирского языка, которые вел З.Ш. Шакиров.
Газета «Красная Башкирия», март 1941года

З. КУЛЬБЕКОВ һәм З. ШАКИРОВ

БАШКОРТ ТӘЛӘ

ПАРТИЯ ҺӘМ СОВЕТ
ЕТӘКСЕ РАБОТНИКТАРЫ ӨСӨН
ДӘРСЛЕК

БАШГОСИЗДАТ 1941

Учебник башкирского языка для руководящих партийных и советских работников, написанный З. Шакировым совместно с З. Кульбековым

Министр-председатель
 Захар Шамиров!

Я не выношу у Вас никогда чернил
 когда мне больно, а когда Вас обидели
 я как в селе Шамаринск с Вами. Обид
 брону Вас, фиджитэ война война со-
 мной с А. Гага 20/11, атом донна
 на Вас война - а вы врагу
 дома привела в Шамаринск.
 Тулу адеит кондик дон.

С уважением приветом
 Ваш А. Черданцев

21.06.1942

Записка А.А. Черданцева З.Ш. Шакирову (1942г.)

Словарь «Термины по языку», изданный З.Ш. Шакировым совместно с У. Хусни в 1935 году.

З.Ш. Шакиров и У. Хусни со студентками 2-го курса БГПИ. 1946г.

Копия аттестата З.Ш. Шакирова об утверждении его ВАКом в ученом звании доцента по кафедре башкирского языка и литературы) 4 сентября 1943г.

Здание БГПИ им. К.А. Тимирязева в Уфе по ул. Гоголя, 11, в котором З.Ш. Шакиров работал и заведовал кафедрой башкирского языка и литературы. Фото 1944г.

23 февраль, 1944 г.

№ 27

СПРАВКА

Тов. Шакиров З.Ш. по заданию Башавторкомпроса принимал участие в рецензировании учебников и программ по башкирскому языку и литературе для 1-Х классов и в обсуждении этих рецензий. Объем рецензированных учебников и программ 70 печатных листов.

Зав. языковедческим сектором Башкирского
научно-исследовательского института
языка и литературы им. М. Гафури:

А. Дхьеров
/А. Дхьеров/

**З.Ш. Шакиров активно участвовал в рецензировании программ
и учебников по башкирскому языку и литературе**

Выпускники филологического факультета БГУ (слева от З.Ш. Шакирова – заместитель директора по вечернему отделению Н.Д. Чижов).
Фото 1946г.

**Выпускники литературного факультета БГПИ с преподавателями.
Во 2-ом ряду (слева направо) И. Ищерикова, А.М. Иорданский,
В. Дергачева, З.Ш. Шакиров, Н.Ф. Казаринова, В.С. Синенко,
О.Г. Рублева, И.А. Каншин, И.Г. Поляк. Фото 1947г.**

**З.Ш. Шакиров на экзамене по методике преподавания
башкирского языка. Фото 1948г.**

В кабинете БГПИ. Фото 1948 года

**З.Ш. Шакиров – заведующий кафедрой башкирского языка и литературы.
Слева направо: Ж. Лукманов, лаборант А. Басырова,
Б. Магасумова, З.Ш. Шакиров, Х. Зинатуллина, А. Мансуров. Фото 1949г.**

Госэкзамены по башкирскому языку в БГПИ. Слева направо: В.В. Гредель, У.З. Губайдуллин, А.М. Иорданский, Р.П. Российченко, З.Ш. Шакиров, Х.Ш. Зинатуллина. Отвечает Нур Зарипов. Фото 1950г.

З.Ш. Шакиров среди выпускников кафедры башкирского языка и литературы. Справа от него А. Мансуров. Фото 1951г.

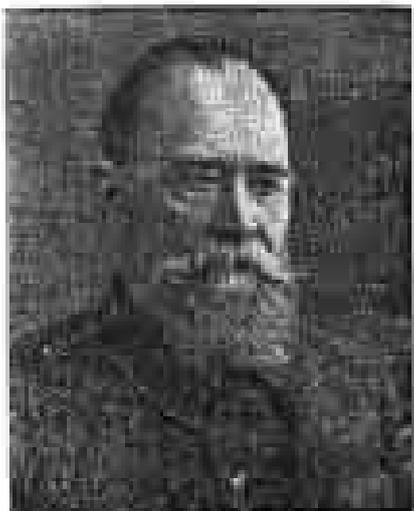
**Коллектив кафедры башкирского языка и литературы БГПИ с выпускниками после госэкзаменов. В первом ряду (слева направо):
У.З. Губайдуллин, З.Ш. Шакиров, А.М. Иорданский, Х.Ш. Зинатуллина**

**С выпускниками отделения башкирского языка и литературы БГПИ.
Слева от З.Ш. Шакирова сидит А. Мансуров, справа – Х.Ш. Зинатуллина**

С выпускниками отделения башкирского языка и литературы БГПИ. Сидят (слева направо): Ж. Лукманов, З.Ш. Шакиров, Г.Т. Валеев (директор БГПИ), А. Чанышев, Х. Гиляжев. Фото 1951г.

КОНДАКОВ
Валери Александрович

Пригласительный билет

Уважаемый товарищ *З.Ш. Шакиров*

Поздравляю со дня рождения в Школе научен-
но-педагогической деятельности класса-корреспон-
дента АИИИ РСФСР, действительного члена
Географического общества СССР, профессора

Валери Александровича
КОНДАКОВА

изменила Валерианов государственной издатель-
ской конторе 14 апреля 1981 г. в _____ (дата
получения в контору или контору 1), (наименование
конторы, №)

(Принять без оплаты 1981г.)

Обязательное приложение

Валери Александрович

Пригласительный билет, присланный З.Ш. Шакирову по случаю 70-летия
В.А. Кондакова

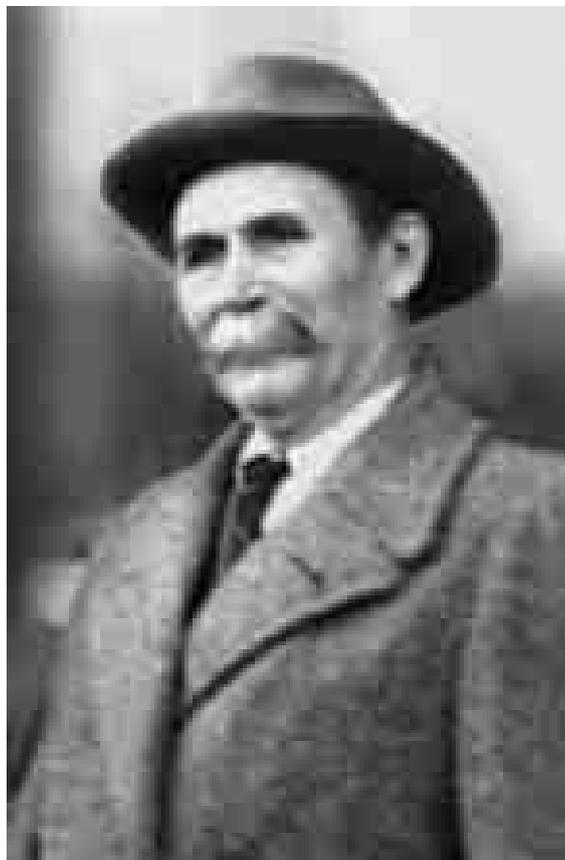

Поздравления по случаю 70-летия З.Ш. Шакирова

В.А. Гордлевский

**В.А. Гордлевский, востоковед-тюрколог, академик АН СССР,
поздравивший З.Ш. Шакирова с 70-летием**

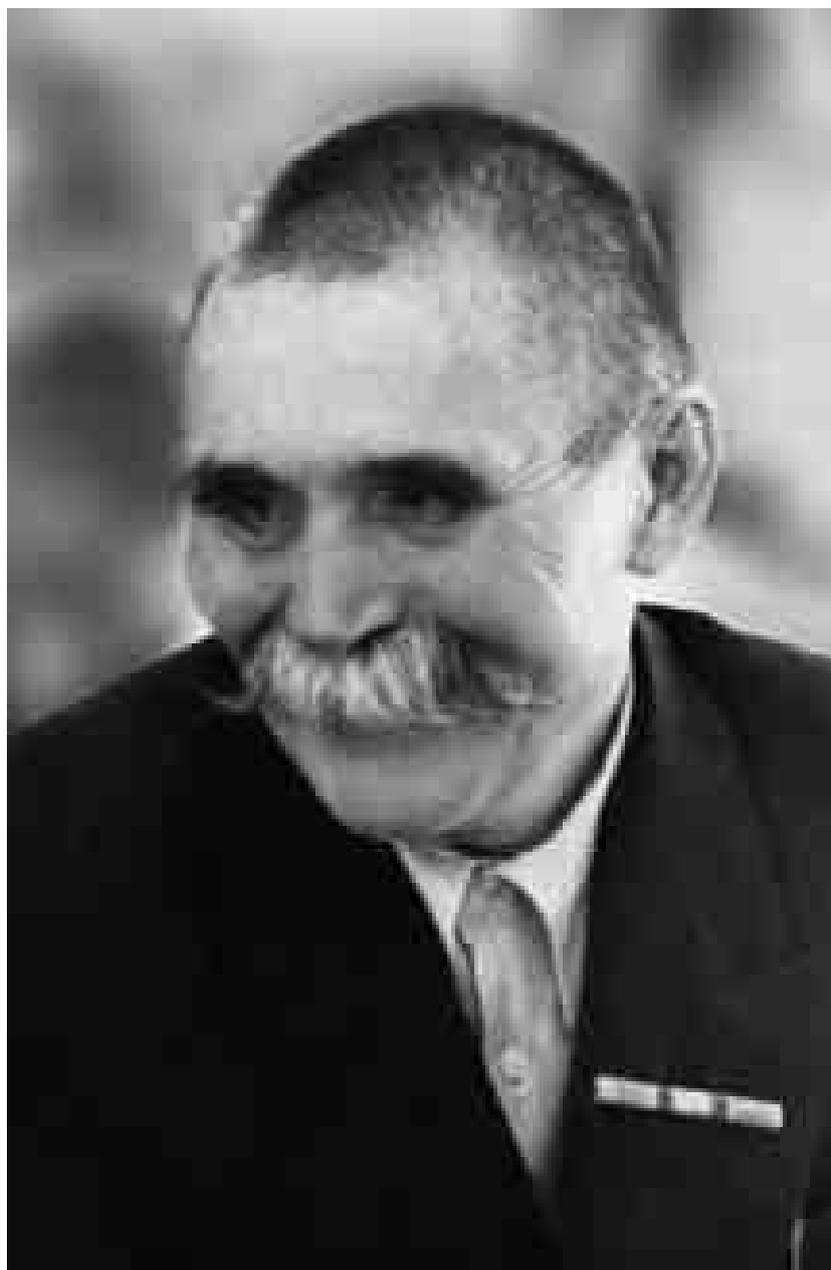
З.Ш. Шакиров у подъезда Совета министров БАССР

З.Ш. Шакиров (седьмой слева в первом ряду) среди делегатов Всесоюзного координационного совещания языковедов. Уфа, 27–30 августа 1957г.

Празднование в честь 75-летия З.Ш. Шакирова. Выступает Г.С. Саубанов, его ученик, директор 2-ой средней школы г. Уфы

В санатории «Юматово», 1959г.

Свидетельство об окончании 4-ой Единой трудовой школы II ступени, выданное Г.С. Саубанову, подписанное председателем школьного совета 3.Ш. Шакировым

Г.С. Саубанов среди выпускников средней школы №2 г. Уфы

**Здание средней школы №2 г. Уфы.
Рисунок выпускника 1997г. Ильдара Валишина**

**На заслуженном отдыхе. Санаторий «Юматово».
Справа от З.Ш. Шакирова – композитор З. Исмагилов. Фото 1960г.**

**БАШКОРТ АВТНОМИЯЛЫ СОВЕТ СОЦИАЛИСТИК
РЕСПУБЛИНАНЫ**

ПОЧЕТ ГРАМОТАНЫ

Башҡорт АССР-ы Верховный Совете Президиумының
1961 йыл 7 декабрь Указы менән

инташ Ш А К И Р О В

Закир Шакир улы

Башҡорт АССР-ының мәктәп һәм йәшләр бунданы
уңышлы эшләгәне өсөн һәм йәшләр бунданы
директоры Башҡорт АССР-ы Верховный Совете
Президиумының Почет Грамотаны менән
наградланды.

Указы менән Башҡорт АССР-ы
Президиумының Президиумы

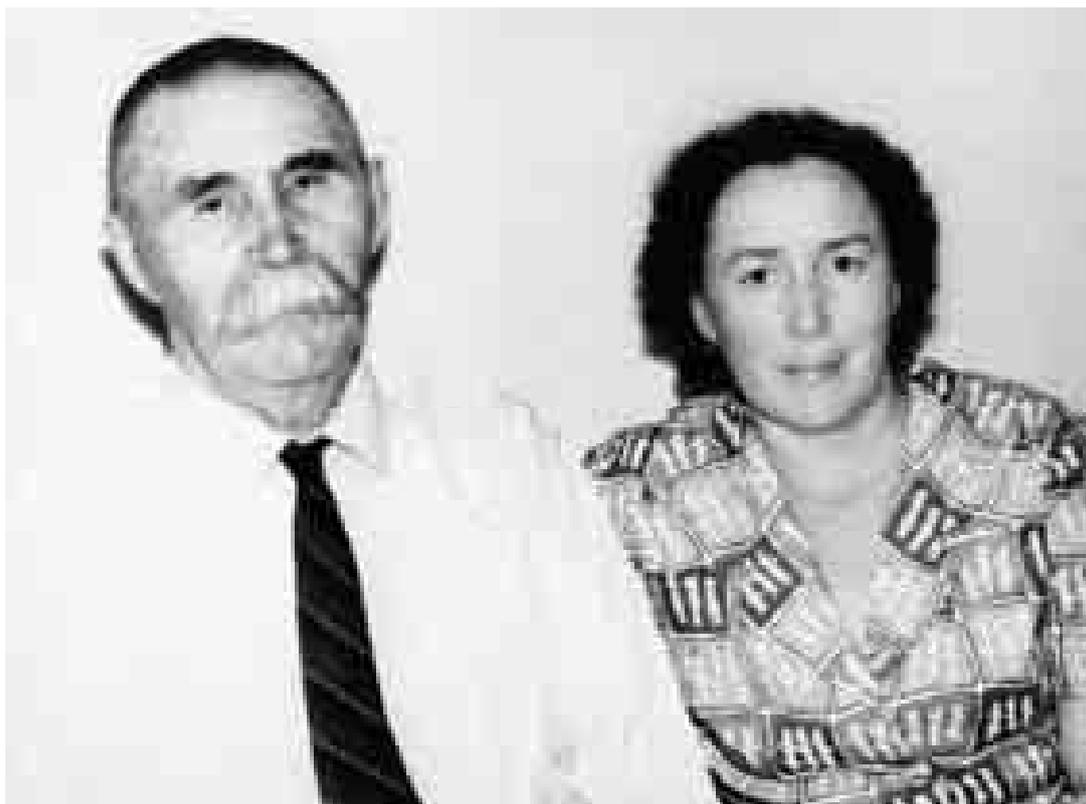
М.С. Давыдов

Указы менән Башҡорт АССР-ы
Президиумының Секретары

С.С. Рахмонов

№ 4794

Почетная грамота Верховного Совета БАССР от 7 декабря 1961г.
по случаю 80-летия З.Ш. Шакирова

З.Ш. Шакиров с дочерью Лией

З.Ш. Шакиров в кругу семьи: рядом с ним супруга Гафифа Якуповна, справа от нее дочь Лия, внучка Нэля, сын Мидхат с женой Лялей

З.Ш. Шакиров среди отдыхающих в санатории «Юматово». Фото 1964г.

Встреча З.Ш. Шакирова с учащимися школы-интерната г. Уфы в Доме политпросвещения Башкирского обкома КПСС. Слева от З.Ш. Шакирова – педагог Г. Хасанова, справа – писатель Ханиф Карим. Фото 1965г.

**Три поколения Шакировых:
Закир, сын Мидхат и внук Рифхат. Фото 1965г.**

С внучкой Дилярой

Торжественное заседание Ученого совета БашГУ, посвященное 100-летию со дня рождения З.Ш. Шакирова. В президиуме (слева направо): профессор М.Ф. Гайнуллин, проректор университета, Л.З. Шакирова, профессор Казанского госпединститута, дочь ученого

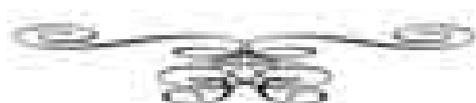
Участники заседания

Содержание

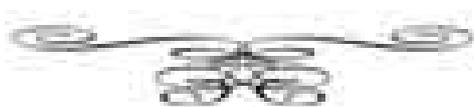
Введение	3
1. Детство, обучение в сельской школе	5
2. В медресе «Мухаммадия»	7
3. В Университете имени А.Л. Шанявского	18
4. В Уфимском губернском земстве	24
5. Заведование Уфимским губернским музеем	34
6. Участие в научных экспедициях.....	43
7. Участие в создании учебников башкирского языка и башкирской терминологии	49
8. Методическое наследие З.Ш. Шакирова – результат его практической педагогической работы	57
9. В памяти родных и близких	63
10. В памяти коллег и учеников	71
Примечания	77
Сноски	94
Иллюстрации.....	97

Научное издание

Ергин Юрий Викторович

**З.Ш. ШАКИРОВ
(1881–1968)**

Редактор Е.Н. Дементьева
Оформление, верстка: И.В. Пономарёв

Vagant 2007

Подписано в печать 26.11.2007. Формат 60X84/16.
Компьютерный набор. Гарнитура Arial.
Усл. печ. л. – 9,0. Уч.-изд. л. – 7,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 321.

ООО «Вагант»
450076, г.Уфа, ул. Коммунистическая, 22 а
E-mail: salavatv@rambler.ru